

Проблемы методологии гуманитарных исследований

Ответственный редактор –
д-р ист. наук Э.И. Черняк

Издательство
Томского
университета
2004

Э.М. Жиликова

В.А. Жуковский и Англия

Изучение темы «В.А. Жуковский в научном и культурном пространстве Англии» на материале творчества поэта и его личной библиотеки, хранящейся в отделе редких книг Научной библиотеки Томского государственного университета и в Пушкинском Доме¹, открывает широкие возможности для разработки проблемы интеграции гуманитарных наук и методологии ее исследования.

В личной библиотеке Жуковского представлены книги на русском, немецком, французском, итальянском, английском языках по разным отраслям знаний: литература, философия, экономика, религия, география и др. Многие из книг содержат пометы (подчеркивания, знаки) и записи поэта на полях и в тексте. Состав библиотеки отражает необычайно широкий круг интересов Жуковского. Изучение этого богатого материала, углубляющего представление не только о творчестве Жуковского, но и закономерностях развития русской литературы первой половины XIX века, предусматривает комплексное исследование нескольких аспектов процесса интеграции.

Во-первых, личность самого Жуковского, поэта пушкинской эпохи, человека энциклопедических знаний, обширных интересов в области философии, этики, педагогики, истории, литературы,

¹ См.: Лобанов В.В. Библиотека В.А. Жуковского (Описание). Томск, 1981. В дальнейшем ссылки даются в тексте на это издание с указанием в скобках: «Описание» и номер книги.

переводчика поэзии и прозы европейских авторов, представляет собой явление культуры, в котором на уровне художественного творчества процесс интеграции различных сфер научных знаний и национальных литератур получил совершенное и органичное воплощение.

Во-вторых, уникальным объектом изучения с точки зрения проблемы интеграции гуманитарных знаний является Англия, в которой, в силу исторических и национальных особенностей, сферы наук и искусства взаимосвязаны и обусловлены принципами моральной философии, ориентированной в своем развитии на глубокий и постоянный интерес к практической жизни и деятельности человека. По определению С.С. Аверинцева, в знаменитой «Элегии, написанной на сельском кладбище» Т. Грея, выражающей своеобразие английского менталитета, «сокровенное человеческое достоинство предстает как ценность в себе, более того, как высшая ценность, онтологически и аксиологически имеющая приоритет перед всем, что публично, и являющаяся для него верховным мерилом»¹.

Третий, собственно методологический аспект изучения процесса интеграции, состоит в выявлении диалектики «своего» и «чужого» в ситуации творческого освоения иной культуры. Эта диалектика предстает в связи двух тенденций: с одной стороны, вхождение Жуковского в культуру, в данном случае Англии, путем глубокого изучения философии, этики, искусства, истории, быта страны, воспринимаемых в целостности и в контексте культуры европейских стран; а с другой – углубленное осмысление путей развития русской культуры.

Таким образом, творчество В.А. Жуковского и его библиотека представляют собой идеальную модель синтеза науки и творческой деятельности поэта, изучение которой возможно только в единой системе, воплощенной в исследовании процесса взаимодействия культур в их историческом развитии.

Вопрос об отношении Жуковского к культуре Англии получил освещение в целом ряде работ. Большинство из них связаны с

¹ *Аверинцев С.С.* Британское зеркало для русского самопознания. Еще раз о «Сельском кладбище» Грея – Жуковского // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1997. С. 710.

исследованием переводческой деятельности поэта¹. Изучение материалов библиотеки Жуковского предопределило создание работ о восприятии поэтом философии английских моралистов². Крупными теоретическими исследованиями для постановки проблемы «Жуковский и Англия» послужили фундаментальные труды М.П. Алексеева³, Ю.Д. Левина⁴, М.Г. Альтшуллера⁵, В.Э. Вацуро⁶, В.Н. Топорова⁷, В.М. Жирмунского⁸, в которых на основе сравнительно-типологического анализа представлен процесс интеграции разных культур.

¹ *Назимов А.* Байроновский «Шильонский узник» у Жуковского // Лит. вестник. 1902. Т. 4. Кн. 5. С. 27–34; *Веселовский А.Н.* В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904; *Резанов В.И.* Из разысканий о сочинениях В.А. Жуковского. Пг., 1916. С. 232–235, 302–316, 320–331, 361–372; *Якубович Д.П.* Лермонтов и В. Скотт // Изв. АН СССР. Отд. общ. наук. 1935. С. 243–272; *Иезуитова Р.В.* Поэзия русского классицизма // Русская литература. 1965. № 3. С. 53–74; *Резнов Б.Г.* В.А. Жуковский, переводчик В. Скотта («Иванов вечер») // Русско-европейские литературные связи: Сб. статей к 70-летию со дня рождения акад. М.П. Алексеева. М., Л., 1966. С. 439–446; *Эткинд Е.Я.* Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973. С. 101–110; *Баранов С.Ю.* Романтическая тайна в балладе Жуковского «Замок Смальгольм» // Вопросы романтизма. Калинин, 1975. Вып. 2. С. 3–15; *Бродавко Р.И.* Жуковский – переводчик Голдсмита («Опустевшая деревня») // Вопросы русской литературы. Львов, 1976. Вып. 1. С. 102–109; *Топоров В.Н.* «Сельское кладбище» Жуковского: к истокам русской поэзии // Russian Literature, X (1981). С. 207–286; *Виницкий И.Ю.* Утехи меланхолии // Ученые записки Московского культурологического лицея № 1310. М., 1997. С. 107–168; *Атарова К.Н.* Вместо предисловия и Комментарий // Английская поэзия в переводах В.А. Жуковского. М., 2000. С. 9–14, 304–367 и др.

² *Канунова Ф.З.* Исследование «О человеческом познании» Д. Юма в восприятии Жуковского // Библиотека Жуковского в Томске (Сокращенно БЖ). Томск, 1988. Ч. 3. С. 17–58; *Янушкевич А.С.* В.А. Жуковский – читатель Шейфсбери (к проблеме становления эстетической позиции поэта) // Проблемы метода и жанра. Томск, 1988. Вып. 14. С. 16–34.

³ *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи. XVIII – первая половина XIX века. Исследования акад. М.П. Алексеева. М., 1982 (Литературное наследство. Т. 91). С. 326–374.

⁴ *Левин Ю.Д.* Английская поэзия и литература русского сентиментализма // От классицизма к романтизму. Л., 1970. С. 195–297; *Он же.* Прижизненная слава Вальтера Скотта в России // Эпоха романтизма: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1975. С. 5–67.

⁵ *Альтшуллер М.Г.* Эпоха Вальтера Скотта в России. СПб., 1996.

⁶ *Вацуро В.Э.* Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб., 1994.

⁷ *Топоров В.Н.* Пушкин и Голдсмит. Wien, 1992.

⁸ *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин. Л., 1924.

Тема «Жуковский и Англия», предполагающая изучение творчества поэта и его личной библиотеки в единой системе, ставится впервые. Постановка ее имеет целью показать, что процесс самопознания Жуковского, гуманистическая природа его демократизма, устремленность к поискам нравственных основ человеческого достоинства и самостояния, а также развитие эстетики гармонической простоты существенно были обогащены творческим осмыслением духовного наследия Англии, представленного трудами по философии, истории, экономике, педагогике, эстетике и произведениями искусства.

I

Англия и ее культура занимали большое место в творчестве В.А. Жуковского. Открытие Жуковского как поэта началось с перевода знаменитой «Элегии, написанной на сельском кладбище» Т. Грея. С.С. Аверинцев в статье «Британское зеркало для русского самопознания» точно определил общественно-нравственные основы и значение английских традиций для русской культуры: «<...> именно Грей, именно русская культура нужны были Жуковскому и в его лице рождающемуся самосознанию: <...> не личное на правах функции общественного, как у французов, не интеллектуальное понятие человека, как у немцев, но человеческое в глубинах своей конкретно-приватной обыденности»¹.

Непосредственное знакомство с Англией произошло у Жуковского намного позже, чем с другими европейскими странами: он посетил Англию только в 1839 году, уже после того, как в течение двух десятилетий ранее он объездил Германию, Францию, Швейцарию, Италию. Тем не менее Англия, ее политика, философия, история, культура неизменно находились в круге внимания поэта.

В восприятии Англии у Жуковского были предшественники и друзья-руководители, советчики, помогавшие книгами, отзывами, рекомендациями в создании своего, неповторимого образа Англии. Фундаментальными, во многом определившими восприятие Жуковским английской культуры явились «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина. Англию в течение 1820–1830-х годов посетил четыре раза А.И. Тургенев, где близко познакомился с общественными деятелями, учеными, писателями и поэтами,

¹ Аверинцев С.С. Ibid. С. 109–110.

в том числе с В. Скоттом, совершил путешествие по Озерному краю, запечатлел свои встречи и размышления в письмах, в «Хронике русского» и «Дневниках», хорошо известных Жуковскому¹.

Активным знакомством с английской жизнью и культурой в 1813–1818 годах Жуковский был обязан своим «арзамасским» друзьям. С.С. Уваров писал Жуковскому 17 августа 1813 года: «Я получил на днях кипу Английских книг; между прочим все поэмы Вальтера Скотта. Ein Volksdichter in Sinne des Wortes. Когда я окончу чтение их, то и вам препровожу лучшие»². Жуковский пишет А.И. Тургеневу 26 марта 1814 года: «Мое усердное почтение С.С. Уварову. Он как будто обещался мне Английских книг, W. Scott, etc. Нельзя ли ему напомнить?»³.

В апреле 1818 года в Англию был отправлен друг Жуковского Д.Н. Блудов. Цель его миссии заключалась в том, чтобы следить за журналами английского и американского материка, вступить в контакт с влиятельными редакторами, знакомить Европу с настоящим положением дел в России, «особое внимание обратить на испанские колонии, которые вели ожесточенную войну против своей метрополии, почти явно поддерживаемой Англией, в то время как Россия стояла за Испанию»⁴. Из донесений Блудова следовало, что важными для него были вопрос о судьбе Наполеона и участие в дискуссии, развернувшейся вокруг положения Польши⁵.

В течение двухлетнего пребывания в Лондоне (1818–1820) Блудов снабжал своих русских друзей книгами, журналами, был источником информации о различных сторонах жизни английского общества. В письме к П.А. Вяземскому от 5 августа 1819 года

¹ См. подробно: *Тургенев А.И.* Хроника русского. Дневники (1825–1826). М.; Л., 1964. С. 10–12, 20–23, 56. Письма А.И. Тургенева к Н.И. Тургеневу. Лейпциг, 1872. С. 397–405, 462, 498–502, 544, 561; *Гиллельсон М.И.* А.И. Тургенев и его литературное наследство // Там же. С. 441–504.

В библиотеке поэта (НБ ТГУ) хранится книга Leigh's Guide to the Lakes and Mountains of Cumberland and Mountains and Lancashire. London, 1830 (Описание № 1516) с пометами и записями А.И. Тургенева.

² Русский архив. 1871. Ст. 0162.

³ *Жуковский В.А.* Письма к А.И. Тургеневу. С. 110.

⁴ *Ковалевский Е.* Граф Блудов и его время (Царствование императора Александра I). СПб., 1866. С. 120–121.

⁵ Там же. С. 125–127.

А.И. Тургенев сообщал: «Блюдов прислал Жуковскому «Мазепу» лорда Байрона, и я сегодня читал его, но другая пьеса его же о Венеции мне более понравилась»¹.

Источником неослабевающего интереса Жуковского к Англии было восторженное отношение его друзей – поэтов, историков, дипломатов – к творчеству Шекспира, Байрона, В. Скотта, поэтов-лейкистов. Можно выделить целые периоды повышенной чувствительности к английской литературе, в атмосфере которой оказывался Жуковский. Таким был, например, 1819 год – год под знаком байроновской поэзии. В ответ на восторженное письмо Вяземского от 17 сентября из Варшавы, в котором он дал перевод в прозе восьми стрóf из 4-й песни «Паломничества Чайльд Гарольда» (CLXXIX – CXXIV) и завершил письмо словами: «Что за туман поэтический! Нырй в него и освежай чувства, опаленные знойной пылью земли»², А.И. Тургенев писал: «Ты проповедовал нам Байрона, которого мы все лето читали. Жуковский им бредит и им питается. В планах его много переводов из Байрона»³.

У Жуковского сложился свой образ Англии. В альбомах для рисования⁴ и Дневнике, посвященных путешествию 1839 года, находятся важные, во многом итоговые рассуждения об Англии. На третий день пребывания в Лондоне он записывает в своем Дневнике: «Чтоб понять Лондон и почувствовать прелесть здешней жизни, надобно здесь совсем сродниться. Это невозможно иностранцу. Рим есть самый прелестный город для иностранца. Потом, вероятно, Париж. Здесь размышления. Там минута. <...> Особенное чувство в Англии, чувство физической свободы; результат общественного чувства. Для этого нужна материальная воля кошелька. Необходимость обжиться, чтоб понять Англию. Англия – последний акт воспитания, как латинский язык – первый акт»⁵. Запись свидетельствует о том, что Жуковский высоко оценивает уровень Англии, рассматривая ее в контексте исторического развития европейской цивилизации и культуры, уровень, по-

¹ Остафьевский архив князей Вяземских (сокращенно ОА) СПб., 1866. Т. 1. С. 282.

² ОА. Т. 1. С. 332.

³ ОА. Т. 1. С. 334.

⁴ РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 60, 61.

⁵ Жуковский В.А. Дневники. СПб., 1903. С. 489.

звояющий говорить о свободе как отличительной черте духовного состояния общества. Вместе с тем русский поэт видит экономическую жесткость буржуазного мира, зависящего во многом от «материальной воли кошелька».

Лондонские впечатления получили подкрепление во время путешествия по средней Англии. Посетив Ковентри, Бирмингем, Кенилворт, Герефорд, рассмотрев «жизнь деревенскую»¹, Жуковский записывает в альбоме: «Жизнь внутренняя и публичная в Англии – вся внешность физическая в Италии. <...> Чтобы ужиться в твердой Англии, надобно выстроить ее внутренность внутренне. *Les libertes garanties, la loi y regne, l'intim n'a pas de place. C'est la liberte*². Каждый дорожит законом, ибо закон есть собственная свобода»³.

В статье «Русская и английская политика (Письмо к Князю Варшавскому)» 1850 года, отмечая достоинства Англии, Жуковский дал развернутую характеристику, в которой анализ различных аспектов английской жизни был проведен с упором на ключевую для Жуковского категорию свободы и человеческого достоинства: «<...> ее чудная история, ее гражданственность, ее величественная свобода, ее ни в каком, ни в древнем, ни в новом народе небывалое могущество <...> Судьбы Божии поставили Англию на великую ступень земного могущества. С своего недоступного острова, оберегаемого войском кораблей, приученных посылать морем, она властвует великими областями во всех частях света; в ней сосредоточиваются все богатства мира и по всему миру льются потоки ее чудной промышленности. И внутри этого острова царствует благоденствие (не скажем однако ни слова об Ирландии): народ знает, что такое закон и законность; Христианство, единственный верный источник нравственных сил, еще не опрокинуто безверием и действует сильно на все состояния; уважение власти (несмотря на буйство развратного книгопечатания, с которым успешно борется книгопечатание нравственное, сильно поддерживаемое государственными постановлениями) не потрясено; литература богатая, в которой все образовательное, возвы-

¹ РНБ. Ф. 286, оп. 2, № 60, л. 44 об.

² Гарантированные свободы, здесь царит закон, нет места частному. Это свобода (франц.).

³ РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 60. Л. 51 об.

шающее и истинно-просветительное несказанно превышает буйственное и развратное; устройство семейственное, безопасность всех неотъемлемых прав личных, законная свобода частных людей во всей ее хранительной, согласной с общим порядком неограниченности; прочность постановлений, утвержденных на строгой законности в настоящем и на почтительном хранении прошедшего, создавшего и устроившего это настоящее; уважение к человечеству в сильном правительстве и проистекающее от этого уважение народа к правительству, и высокое чувство своего человеческого и гражданского достоинства в каждом, от чего и твердая, ничем не потрясаемая любовь к отечеству, оберегающему для всех такое сокровище, – вот Англия. Такова ее нравственная и материальная сила посреди всех образованных народов»¹.

В соответствии с принципами своей натурфилософии Жуковский необычайно внимателен к своеобразию физической, природной структуры Англии – и анализ ее духовной, внутренней жизни получает выражение через описание природы, которая в общей системе ценностей поэта реализует диалектику связей общего и частного, государства и каждого человека.

На протяжении путешествия 1839 года Жуковский неоднократно фиксирует волнующую красоту видов, он делает рисунки и записи: «Дорога между деревьев – просветы – луга с коровами – домики в группе деревьев при солнце»²; или: «Зрелище <плывущих> форм над великолепную равнину, над ней с одной стороны возвышаются [нрзб.] горы, а с другой все уходит в необозримую даль»³; или: «Вид при луне на воде. Северн глубокий. Долина с полосой серебра – вершины деревьев – Утесы, излучины»⁴. В записи от 23 апреля Жуковский отмечает особый характер английского пейзажа, выражающий своеобразие страны: «Сравнение Голландии с Англией. Главная разница в масштабе. Чистота, вкус, произведения, обработанность земли, искусство, народный характер. Влияние географического положения и истории. От чего живописная поэзия в особенности принадлежит Англии, несколько

¹ Жуковский В.А. Сочинения в стихах и прозе. Изд. 10. СПб., 1901 (сокращенно С. 10), С. 974.

² РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 60. Л. 40 об.

³ Там же. Л. 45 об.

⁴ Там же. Л. 49 об.

Швейцарии, мало Италии и Франции, Германии более фантастическая. Искусство украшать природу, особенно в том, чтоб ее прятать. Прелестные деревья в Ричмонде; огромный ствол, из коего вдруг раскинулось 20 деревьев. Кривая линия, планы, группировка деревьев. От чего грустное чувство, подобное происходящему от музыки?»¹ В данной записи Жуковский выразил свое чувство Англии в философско-поэтической форме, переведя его на язык литературы, живописи и музыки. Вместе с тем он тонко подметил особую чувствительность английской культуры к природному, человеческому, уловил элегическую настроенность английской души при всей ее практической определенности.

Созданный Жуковским образ Англии как передовой промышленной страны Европы, достигшей высокого уровня цивилизации, государственной законности и культуры, обеспечившего право каждого на человеческое достоинство; страны практических талантов и реального сознания, но не утратившей при этом высокого идеала нравственности и красоты, – был обусловлен целым рядом факторов. Это и содержание внутренней и внешней жизни самой Англии; и проблемы, встававшие перед русским обществом на пути движения от патриархальности к капитализму; и тип сознания людей 1810–1850-х годов – с энциклопедизмом знаний и интересов, с обретаемым историческим мышлением, с синтетизмом методов науки и искусства; наконец, личность самого Жуковского, сочетавшего в своем таланте тонкого лирика и автора больших эпических произведений.

Постоянство глубокой заинтересованности Жуковского Англией – от раннего чтения философов и переводов из Голдсмита, Грея, Попа, через увлечение Байроном и В. Скоттом, Муром и Саути, к непосредственному знакомству со страной в 1839 году – явилось следствием родственности английской и русской культуры, точек сближения в процессе становления и развития художественного сознания поэта.

II

Интерес Жуковского к Англии носил универсальный характер, включая философию, этику, историю, эстетику, искусство.

¹ Дневники. С. 489.

Определяющим началом в этой системе являлась для него философия. В философском развитии Жуковского четко прослеживается ориентация на английский сенсуализм и шотландскую философскую школу, представленную именами А. Фергюсона, Д. Стюарта, Т. Рида. В числе ведущих философов в круге чтения Жуковского следует назвать Ф. Бэкона, Д. Юма, А. Смита, А. Шефтсбери, книги которых с пометами поэта представлены в библиотеке Жуковского.

В № 10 (май) «Вестника Европы» за 1808 год Жуковский помещает перевод (с английского): «Давид Юм при конце жизни (Письмо А. Смита Виллиаму Страхану)»¹. Эта публикация замечательна тем, что она представила русскому читателю сразу двух славных философов Англии – Юма и Смита. Перевод «с Английского» свидетельствовал об обращении к первоисточнику, наконец, выбор материала указывает на ранний интерес Жуковского к философии Юма и А. Смита. Немаловажным является то, что в письме создается идеальный образ мудреца, чья философия явилась основой его добродетели, позволившей Юму до последних минут сохранять интерес к жизни и людям. Смит пишет о «благородном и беспорочном» характере Юма: «В самом деле, все качества его были приведены натурою в какое-то шастливое равновесие: с этой стороны не знаю подобного ему человека. Будучи беден и совершенно ограничен в своих нуждах, он никогда не пропускать случая благотворительствовать и быть великодушным на деле. Умеренная жизнь его имела в основании не скупость, а благородную любовь к свободе. Несмотря на слабое сложение тела, он был характером тверд, решителен, во мнениях постоянен. Шутливость его в разговоре была не иное что, как непринужденное изливание добродушия и веселости, соединенных с тонкой скромностью; острые слова его не имели ни малейшей колкости, напротив, были приятны и забавляли тех самых людей, на счет которых были сказаны»².

Опубликованная в «Вестнике Европы» статья, безусловно, была связана с чтением Жуковским трудов Юма, которые он проштудировал с карандашом в руке. Многочисленные пометы и

¹ Вестник Европы. 1808. № 10. С. 89–97.

² Там же. С. 97.

записи сделаны им на страницах 1, 2 и 4-го томов французского издания произведений Юма 1788 года¹. В библиотеке поэта сохранились книги А. Смита (Описание № 2136, 2770, 2771), А. Фергюсона (Описание № 1017) с пометами в «Принципах нравственной философии»², Д. Стюарта (Описание № 2778, 2779) с пометами в труде «Philosophie des facultés actives et morales de l'homme»³.

Большой интерес для исследования вопроса о восприятии Жуковским английской философии представляет третий том избранных статей из «Эдинбургского обозрения»⁴. В оглавлении Жуковский горизонтальной чертой отметил в разделе «Метафизические и моральные науки» заинтересовавшие его статьи, а именно:

- On Reid's System of Philosophy, and Dugald Stewart's Elucidation of it Philosophical Essays. By Dugald Stewart;
- On the Doctrine of Perfectibility;
- Stewart's Introduction to the Encyclopaedia Part I, Part II.

В центре интереса оказались труды философов шотландской школы «здравого смысла», знакомые Жуковскому с начала 1800-х годов, но не утратившие значения и в 1830-е годы.

Собранные в библиотеке Жуковского труды английских философов, пометы на книгах, отзывы в письмах и статьях позволяют говорить о системном характере восприятия поэтом английской философии, которую он изучал в контексте с французской и немецкой, – это работы Ш. Бонне, Кондильяка, Руссо, Фихте, Снелля.

В круге внимания Жуковского оказывается важнейшее положение английского сенсуализма – об опытном характере знаний. Изучая работу Юма «Исследование о человеческом познании»⁵,

¹ *Hume D. Oeuvres philosophiques, traduites de l'anglois. T. 1–7. Londres; Paris, 1788. См. подробнее: Канунова Ф.З. Исследование «О человеческом познании» Д. Юма в восприятии Жуковского // БЖ. Томск, 1988. Ч. 3. С. 17–58.*

² *Ferguson A. Institutes of moral philosophy. Mentz, 1815 (Описание № 2621).*

³ *Stewart D. Philosophie des facultés actives et morales de l'homme. T. 1–2. Paris, 1834 (Описание № 2780).*

⁴ *Selections from the Edinburgh review, comprising the best articles in that journal from its commencement to the present time. Paris, Baudry, 1835–1836. T. 3 (Описание № 2117).*

⁵ Переводы текста Д. Юма даются по изданию: *Юм Давид. Сочинения: В 2 т. М., 1965.*

Жуковский последовательно отмечает рассуждения философа о первичности ощущений. В главе «О происхождении идей» он формулирует в своей записи на полях юмовскую классификацию впечатлений (ощущений) и идей: *«Под словом впечатления разумеем ощущения, которое может производиться в нас зрением, слухом, осязанием, чувством любви, ненависти, желания <нрзб.>. Идеи суть менее опытные ощущения, которые находим в себе, когда размышляем о впечатлениях»*¹. Вертикальной чертой отмечено итоговое рассуждение Юма о связи мысли, сознания и опыта, развивающихся ассоциативным способом от более простого к сложному, но неизменно в следственно-причинной связи от опыта: «Всякая идея есть копия какого-нибудь предшествующего впечатления или переживания, и если мы не в состоянии найти впечатление, то можем быть уверены, что нет и соответствующей идеи»².

Показательными для понимания актуальности для Жуковского концепции «опыта» являются его записи на полях эссе Юма «Скептик» (из цикла «Четыре философа»). Читая эти эссе («Эпикурец», «Стоик», «Платоник», «Скептик») и отмечая важные места на полях, соглашаясь и полемизируя с предложенными философско-нравственными концепциями, Жуковский практически создает свою модель жизнестроения. На утверждение скептика о том, что «наслаждение от предмета, к которому стремится человек, вызывается не ценностью или достоинством самого предмета; <...> сами по себе объекты лишены всякой ценности», Жуковский отвечает: *«Вздор»* и далее пишет: *«Предмет имеет собственное достоинство. Если его достоинство неоцутительно, то это от недостатка чувства»*³.

Актуализация проблемы опытного характера знаний выдвинула на первый план культ природы как реальности физического и духовного проявления жизни. В этом отношении важно подчеркнуть, что идеализм Юма, Шефтсбери и других английских сенсуалистов опирался на труды Ф. Бэкона и корректировался ими. Изучая Шефтсбери, Жуковский при чтении «Моралистов» отме-

¹ *Hume D. Ibid. Т. 1. Р. 57.* Здесь и далее текст В.А. Жуковского выделяется курсивом.

² Там же. С. 212.

³ *Hume D. Ibid. Т. 2. Р. 199.*

чает чертой два отрывка, представляющих собой восхищенное обращение философа к природе. Вот один из них:

«О рощи и поля, приют от дел унылых мира, меня примите в тихую святыню, благословите мой покой и сосредоточение мысли... зеленые луга, приветствую я вас! И вас, знакомые селенья и хижины счастливые, и вид прекрасный, торжественная красота земли, – и вас, сельские силы и грации! – Благословенны будьте, чистые, невинные жилища счастливейших смертных, что в мирной неискушенности наслаждаются жизнью простой, но божественной, и зависти ни в ком не вызывают, в своей благословенной тишине она дает счастливый досуг человеку, – он, созданный для созерцания, здесь, в поисках своей сущности и сущности других, яснее может размышлять о природе вещей и лучше видеть среди различных сцен Природы ее творенья»¹.

Выделенный Жуковским текст обнаруживает чуткость и интерес поэта к особенностям английской философской мысли, в частности Шефтсбери, заключающейся, во-первых, в почитании природы, соединенном с тщательным и внимательным исследованием ее, и, во-вторых, в синтетизме мышления, объединяющего в единой философской концепции этику, эстетику, самоанализ и художественное творчество. Английский сенсуализм явился философской основой сентиментализма с его культом естественных чувств, сельской жизни, поэзией семейного очага. Составленный Жуковским план «Томпсоновой весны» (рядом с планом «Клейстовой весны», «С. – Ламбертовой весны») – образец художественного освоения традиций английского сентиментализма, восходящего к философскому сенсуализму.

Томпсонова весна

Призывание весны – Обращение к Леди Гартфорд. – Зима летит к северу, уступая место теплым ветрам. Снег тает и горы обнажаются. – Весна еще не укоренилась, утренники, дождь и снег – Солнце входит в знак тельца и небо проясняется; земледелец выводит волов на поле. – Сеятель. Поэт молит небо благоприятствовать трудам земледельца и обращается к жителям

¹ *Shaftsbury A. Les oeuvres de mylord compte. Genève, 1769. Т. 1. Р. 273. См. подробнее: Янушкевич А.С. Ibid.*

городов, говорит, чтобы внимали его песням, их достойным. – К британцам да покровительствует земледельцам. – Весна раскрывает силу произрастания. – Зелень. – Деревя зеленеющие и цветущие. – Благоухания. – Поэт хочет оставить скучный город и смотреть на оживающую природу – Холодные росы – Сухие ветры – Зарождение насекомых и их истребление. – Благодатная сила ветров – Первый дождь. – Радуга – Растения разнообразные. – Они составляли пищу человека в его счастливое время, в золотом веке – изображение золотого века – железного. – Потоп, разрушивший мир и переживший течение времен года. – Наблюдения: рыбная ловля – отдохновение в полуденный час в тени ясеней <зач.: с книгой в руках>, над которыми вьются голуби и которые наклонились на воду, с Виргилием в руках. Неспособность поэта образом достойным изобразить природу. Но он находит наслаждение в сем изображении и зовет Аманду вместе с собою восхищаться ее зрелищем. – Луг, испещренный цветами и на нем пчелы. – Сад; вид реки, озера, омраченного лесом, отдаленных гор и моря – цветы – поэт обращается к Творцу, которого мудрость видна в чудесном созерцании цветов. – Пенье птиц призывает поэта в роуц. – Любовь одушевляет их. Их оживленье, они начинают опять свое пение. Жаворонок, встречающий утро и пробуждающий других птиц. – Деревя наполняются песнями. – Филомела, ожидающая ночи, чтобы всех поразить. – Чижик – коноплянки. Сова, ворон и галка, вместе с ними каркающая – воркование голубей. – Любовь птичек. Гнезда в лесах, на корнях орехового дерева, склонившегося в источник. – Ласточка, собирающая ил на пруде иль шерсть у стада или сухую солому для составления гнезда – самец, поющий во время высидивания самки или ее место занимающий. Выдуление их яиц – Нового рода любовь в птицах, сравнение их с бедным семейством, впадшим в несчастья. – Хитрости птиц, употребляемые для спасения их птенцов. Бекас, летающий над головою пастуха: утка и лесная курочка, отманивающая собаку – Поэт жалеет о неволе птиц, запираемых в клетку. – Филомела, стонущая о потере своих птенцов. Птенцы оперяются – вечер тихий и ясный, в который они в первый раз поднимаются в воздух – конец забот отеческих в птицах – орел, выгоняющий орленков из гнезда. – Сельская хижина, окруженная кленами и дубами, на которых гнездится ворон – до-

машинные птицы: курица с цыплятами и петух. – Утка на пруде. Лебедь на острове – Индейский петух и павлины. – Голубь и голубка. – Бык, воспламененный любовью. Сражение быков. Конь беспокойный и пылающий. – Чуды морские и змеи. – Картины пастуха, сидящего на холме со стадом. – Все чувства людей есть влияние самого Божества – Оно действует на человека. Обращение к добродетельным и чувствительным, на которых весна вдвое действует – к Литтльтону – изображение его уединения. – Любовь в человеке: тайный жар и желания воспламеняют девушку. – Юноша, воспламененный любовью, которая владеет им совершенно – изображение неукротимой страсти – ревности. – Счастливая любовь двух супругов, живущих в тишине семейственного счастья¹.

Содержание и поэтика этого Плана, точно передающего стилистику Томсона – тщательную, подробную детализацию и поэтическое освоение естественного и общественного, – показывают органичность и родственность мышлению Жуковского принципов английского сентиментализма и его философской основы – сенсуализма. Эти принципы заложили важные основы поэтического сознания Жуковского, проявлявшиеся на всех этапах его творчества: в особенностях его переводов из Грея, Томсона, Юнга и Голдсмита², в выборе стихотворений из 6-томного собрания лучших поэтов Англии, в размышлениях о «живописной поэзии», которая «в особенности принадлежит Англии»³, в опытах создания эпических произведений. Заметим, что к «памяти сенсуализма» восходит одна из особенностей его дневниковой манеры, ярко выражающей черту сознания: кратко, в назывных фразах, Жуковский записывает о встречах, посещениях музеев, театров и т.д., при этом непременно появляются зарисовки природы, составленные из реальных, земных деталей, но поэтически освещенных: *«Морщины гор. Луна. Облака. Звезды. Девушка, схваченная старухой – фигура рыцаря. Полоса света. Тишина. Соловьи»*⁴.

¹ РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 78. Л. 4–4 об. Все подчеркивания в тексте, кроме специально оговоренных, принадлежат В.А. Жуковскому.

² См.: *Топоров В.Н.* «Сельское кладбище» Жуковского. Ibid.

³ Дневники. Ibid. С. 489.

⁴ РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 60. Л. 45 об.

Важную особенность современной английской философии Жуковский видел в ориентации ее (в особенности это касалось шотландской школы) на практическую ценность для человека. Среди статей, отмеченных Жуковским в «Selections» из «Эдинбургских обзрений» и посвященных разбору философии Т. Рида и Д. Стюарта, представителей школы «здравого смысла», следует выделить работу «Stewart's Introduction to the Encyclopaedia. Part I». В этой статье исследуется отношение Д. Стюарта к Ф. Бэкону, выдающемуся английскому философу.

С точки зрения Д. Стюарта, как пишет автор статьи, Бэкон «предпринял реформу философии», посвятив жизнь «изучению метода индукции как искусства открытия», он «возбудил новый дух и сделал наблюдение и эксперимент преобладающим характером философии»¹. Бэкон был, по определению Стюарта, истинным философом, свободным от односторонностей: «Он не был тем, кто называется метафизиком. Его планы развития науки не выводились абстрактным размышлением из основных принципов, которые создавались философами Греции, чтобы обосновывать системы. Поэтому он трактовался как неглубокий эмпирик теми, кто присвоил себе исключительное право называться мыслителем. Он не был, с другой стороны, математиком, астрономом, физиологом, химиком. Он не был знаменит особым знанием в какой-либо из наук его времени. <...> Но его жизнь служила изучению метода, благодаря которому открытия делаются»².

Принадлежащий Бэкону тезис: «Знание есть сила» рассматривается Стюартом как устремленность философии Бэкона к «практическому результату бесспорной выгоды, предполагаемый смысл которой не увеличение силы одного человека над страной, не увеличение власти одной страны над другими нациями, но увеличение силы и власти человечества над миром»³. Д. Стюарт, продолжая традиции Бэкона, видит «полезность» и «огромную цель» философии в «улучшении условий, способностей и натуры человека, без чего наука – не более как прекрасный орнамент, а литература – не более как развлечение»⁴.

¹ Selections. Ibid. Vol. 3. P. 238.

² Там же. С. 236.

³ Там же. С. 240.

⁴ Там же.

Влияние учения Ф. Бэкона, во многом определившего характер английской философии, отчетливо проявилось в идеализме Юма, в частности, в его понимании назначения философии. Жуковский чертой на полях и подчеркиванием в тексте выразил свое согласие с Юмом: «Итак, природа, по-видимому, указала человечеству смешанный образ жизни как наиболее для него подходящий, тайно предостерегая людей от излишнего увлечения каждой отдельной склонностью во избежание утраты способности к другим занятиям и развлечениям. Удовлетворяй свою страсть к науке, говорит она, но пусть твоя наука останется человеческой и сохранил прямое отношение к деятельной жизни и обществу»¹.

Для Жуковского глубоко созвучными оказались идеи представителей шотландской школы «здравого смысла» (А. Фергюсона, Д. Стюарта) о высокой практической цели философии, способствующей формированию нравственного обмена всей нации и каждого человека.

Органическое соединение философских и нравственных аспектов в трудах английских философов как родовое, национальное качество науки, соединившей и сохранившей материалистические принципы Ф. Бэкона с идеалистическими концепциями Локка, Юма, Шефтсбери, Смита, предопределяло комплексный, интегративный подход к проблемам во всех сферах гуманитарных наук, обуславливало своеобразие истории, этики, эстетики, юриспруденции и нашло отражение в искусстве. Жуковский высоко ценил это соединение «практичности» и высокого нравственного потенциала. В письме к А.П. Елагиной от 7/19 февраля 1827 года из Дрездена, где поэт, много читая и размышляя над немецкой и английской философией в обществе А.И. Тургенева, дает совет относительно образования И.В. Киреевского, старшего сына Елагиной: «Шеллинга не куплю, ибо не хочу брать на свою душу таких занятий Ванюши, которых оправдать не могу. Я из нашего с ним свидания в Петербурге заметил, что он ударился в такую метафизику, которая только что мутит ум: Шеллинга в Германии не понимают. Он же теперь сам готовит книгу, которая должна служить объяснением и определением его системы. Следственно, надобно подождать, когда она выйдет в свет. Я не враг метафизики.

¹ Hume D. Ibid. T. I. P. 55. Подчеркивание Жуковского.

Знаю цену высоких занятий ума. Но не хочу, чтобы он и ползал по земле. И то и другое никуда не годится. Надобен свет ясный. Советовал бы Ване познакомиться с английскими философами. Пускай читает Дугальда Стюарта, Фергюсона, Смита. Их свет озаряет жизнь и возвышает душу»¹. В другом письме Жуковский продолжает разговор: «Я уверен, что Ваня может быть хорошим писателем. У него все для этого есть: жар души, мыслящая голова, благородный характер, талант авторский. Нужно приобрести знания поболее и познакомиться поболее с языком. <...> Пускай учит Россию и учится у Вальтер-Скотта изображать верно отечественное, потом пускай познакомится с нравственными писателями и философами Англии. Нам еще не по росту глубокомысленная философия немцев, нам нужна простая, мужественная, практическая, нравственная философия, не сухая материальная, но основанная на высоком, однако ясная и удобная для применения к деятельной жизни. Там философию можно применить наконец и к умозрительной: ясность, простота, практическое, вот что нам удобно. И вот так для него две цели. С одной стороны, учись у Шекспира и Вальтер-Скотта, с другой – у Дюгальда Стеуарта, у Смита, у Рейда и прочих. Этого довольно на жизнь»².

Центральная идея книг Фергюсона, Смита, Стюарта, хранящихся в библиотеке поэта, – учение об общественной природе человека и его обязанностях. «Человек, по природе, есть член общества»³, – пишет А. Фергюсон в книге, прочитанной Жуковским (Описание № 2621). А. Смит в «Теории нравственных чувств» (Описание № 2136) утверждает: «Человек может существовать только в обществе»⁴. Идея общественной природы человека основывалась на сенсуализме и просветительской концепции равенства людей. А. Фергюсон в своих построениях исходил из традиции, идущей от Юма, Шефтсбери и Хатчесона о врожденном моральном чувстве, свободном от практических интересов и влекущем человека к добру и благу. А. Смит развивал идею о законе само-

¹ Русский библиофил. 1912. № 7–8. С. 103.

² Там же. С. 104.

³ *Фергюсон А.* Наставления нравственной философии / Пер. В. Созоновича. СПб., 1804. С. 105.

⁴ *Смит А.* Теория нравственных чувств / Пер. П.А. Бибикова. СПб., 1868. С. 118.

сохранения («Всякий человек, по наущению природы, заботится, без сомнения, прежде всего о самом себе»¹). Моралисты Шотландии были едины в понимании нравственного закона как человеколюбия. «Первое начало нравственности, величайшее благо, свойственное человеческой природе, есть человеколюбие»², – утверждал Фергюсон.

Моральная философия шотландцев, возросшая на подъеме буржуазного развития в Англии, несла в себе позитивное содержание, более всего выразившееся в утверждении приоритета общих интересов, общественных требований над частными. Фергюсон писал, что «щастие людей возвышается по мере, как они любят род человеческий»³.

В трудах английских философов-моралистов Жуковского интересовал вопрос о соотношении общего (общественного) и частного (личного), объекта и воспринимающего субъекта. Читая «Исследование о человеческом познании» Юма, он делает многочисленные пометы в главах «Об ассоциации идей», «Скептические сомнения относительно действия ума», «Об идее необходимой связи», «О свободе и необходимости», подчеркивая мысль Юма о постоянных и всеобщих принципах человеческой природы. Системой помет Жуковский выявляет диалектику Юма в постановке вопроса о человеческой природе и познании.

Он отличает рассуждения философа об «исключительном однообразии, замечаемом в действиях природы, где сходные объекты всегда соединены друг с другом, а наш ум побуждается привычкой к тому, чтобы заключать об одном из них при появлении другого»⁴. Жуковский выделяет вертикальной чертой на полях текст: «Общие наблюдения, накопленные при помощи ряда опытов, дают нам ключ к человеческой природе и учат нас разбираться во всех запутанных проявлениях»⁵.

Но единообразии человеческой природы, по Юму, не только не исключает, но предполагает разнообразие ее проявления. Жуковский по ходу чтения трактата Юма «О четырех моралистах» отмечает мысль о значении субъективного, лично-

¹ Там же. С. 114.

² Фергюсон А. Ibid. P. 150.

³ Там же. С. 231.

⁴ Нитте D. Ibid. Т. 1. P. 221.

⁵ Там же. С. 225.

отмечает мысль о значении субъективного, лично-неповторимого начала в восприятии человеком красоты в мире. Жуковский читает рассуждения скептика у Юма: «Математик, который не видит иного удовольствия в чтении Вергилия, кроме прослеживания по карте путешествия Энея, может понимать все значения каждого латинского слова, примененного божественным автором, и, следовательно, иметь ясную идею о произведении. Он может обладать этой идеей в большей степени, чем тот, кто не изучил так точно географию поэмы. Итак, он знает в поэме каждую деталь, но красота ее ему недоступна, ибо, собственно говоря, эта красота заключена не в поэме, а в чувствовании или во вкусе читателя. И если у человека нет такой утонченности нрава, которая делала бы его восприимчивым к данному чувствованию, то, хотя бы он и обладал знаниями и рассудком ангела, красота останется для него недоступной»¹. На полях внизу страницы простым карандашом Жуковский выделяет диалектическую по смыслу концепцию единства общего и индивидуального: «*Будь все люди слепы – красота исчезнет в картинах, не будь картин – не будет красоты живописной – красота существует и в предмете, и в чувстве; в предмете неизменна, но действие на чувство зависит от остроты чувства*»².

Концепция единства и разнообразия в природе и человеке явилась философским обоснованием этических, эстетических построений. Штудируя в 1830-е годы лекции профессора Эдинбургского университета Х. Блера (Hugh Blair)³, Жуковский особое внимание обращает на теорию вкуса. В конце второй лекции он на полях набрасывает итоговый план, позволяющий судить об интересующих его вопросах в труде Блера:

Вкус
    частный
    общий
Истина
Красота
Красота в природе
    то, что видим

¹ Hume D. Ibid. Т. 2. Р. 198.

² Там же. С. 199.

³ Blair H. Leçons de Rhétorique et de belles-lettres. Paris, 1830. Т. 1–3.

Чувство
<нрзб.>
Природа
Искусство
Нравственность
Роль красоты¹

Жуковский последовательно отмечает рассуждения Блера, касающиеся «Вкуса общего» и «Вкуса частного». «Вкус, – пишет Блер, – далек от произвольного принципа, который подвластен воображению каждого и который не дает критерия для определения, фальшиво это или правдиво. Его основание в сходстве (общем) человеческих мыслей. Он создается на чувствах и познании, которые принадлежат нашей природе <...>»². «В каждом произведении, которое трогает сердце и интересуется воображение, находят удовольствие все поколения и все нации»³.

Признавая вслед за Блером определяющее значение общего во Вкусе как основы для теории подражания («Бесспорное влечение к чувству общему должно лежать во всех произведениях гения»⁴), Жуковский акцентирует мысль шотландского ученого о значении индивидуального вкуса: «Вкус можно определить как силу, соединяющую природную чувствительность к красоте с развитым пониманием»⁵. Но «степени, которые ею овладевают, широко различны. <...> Это неравенство Вкуса среди людей зависит, без сомнения, частью от различного строя их природы: лучшие органы, внутренние силы, которыми некоторые одарены в отличие от других. Но если это зависит частью от природы, то еще более зависит от образования и культуры»⁶.

Таким образом, философский сенсуализм, опирающийся на традиции Ф. Бэкона, подводил основы под просветительскую этику с идеей природного равенства людей и значимости каждой личности в обществе, под теорию подражания и тенденций реа-

¹ Blair H. Ibid. Т. 1. Р. 38.

² Blair H. Ibid. Т. 1. Р. 37. Здесь и далее подчеркнуто Жуковским.

³ Там же.

⁴ Blair H. Ibid. Т. 1. Р. 33.

⁵ Там же. С. 23.

⁶ Там же. С. 20–21.

лизма в искусстве, под нравственно-педагогические проблемы совершенствования общества и воспитания человека.

В поисках путей совершенствования человеческого общества шотландские философы обращались к анализу истории моральных учений. В эссе о «Четырех философах» Юм сопоставил в диалогическом конфликте четыре взгляда на мир. Жуковский-читатель отмечает то, что представляет собой особый интерес. В рассуждениях эпикурейца Жуковского заинтересовало высказывание о счастье как естественном, вытекающем из потребностей человека состоянии («Ведь мое счастье зависит от моего строения и внутренней структуры»¹), а не выдуманном философами «искусственным счастьем»². В эссе «Платоника» подчеркнуты мысли о величии мудрости философа, приобщающегося в своем созерцании к высшей духовности. Двумя чертами Жуковский выделяет: «Самое совершенное счастье, конечно, должно возникать из созерцания самого совершенного объекта. А что может быть более совершенно, чем красота и добродетель»³. В эссе «Скептик» полностью отмечено несколько страниц, на которых идет речь о возможности воздействия на характер человека «серьезными занятиями науками, в том числе гуманитарными», которые «смягчают и делают человеколюбивым характер, воспитывая те прекрасные эмоции, с которыми связана истинная добродетель и честность»⁴. Но более всего помет сделано Жуковским в рассуждениях стоика о нравственном совершенствовании человека на пути к счастью, о необходимости ежедневного самовоспитания строгими правилами и трудом.

Стоик⁵

Р. 158 В действиях природы по отношению к человеку и другим животным имеется то очевидное и существенное различие, что, наделив первого вымышленным небесным духом и придав ему сходство с высшими существами, она не позволяет пребывать в состоянии вялости или праздности, но побуждает

¹ *Hume D. Ibid. T. 2. P. 141.*

² Там же. С. 139.

³ Там же. С. 183.

⁴ Там же. С. 208.

⁵ Здесь и ниже текст дается по изданию: *Hume D. T. 2* с указанием в тексте страниц.

его силой необходимости применять на каждом шагу свое искусство и прилежание.

- P. 159 Итак, признай, о человек, благоденствие природы! Она дала тебе такой ум, который снабжает тебя всем необходимым. —
Твоя добрая мать-природа, дав тебе искусство и ум, наполнила весь земной шар материалами, к которым ты мог бы применить свои таланты.
- P. 160 Неужели в то время, когда ты столь честолюбиво стремишься усовершенствовать свои телесные силы и способности, ты захочешь подло пренебречь своим умом и из-за нелепой лени оставишь его в том грубом и неразвитом состоянии, в каком выходит он из рук природы? —
- P. 161 Одареннейший гений подобен плодороднейшей почве: если ее не обрабатывать, она зарастет сорняками и вместо винограда и олив, растущих на радость и пользу человеку, принесет своему нерадивому хозяину обильный урожай ядовитых трав. —
Главная цель всякого человеческого прилежания – достижение счастья. Именно для этого были созданы искусства, внедрены науки, а наиглубочайшая мудрость патриотов и законодателей предписала законы и образовала общество. —
- P. 162 Но насколько самый дикий человек ниже цивилизованного гражданина, который, находясь под защитой закона, пользуется всеми благами, достигаемыми людским прилежанием, настолько последний ниже добродетельного человека и истинного философа, который управляет своими наклонностями, укрощает свои аффекты и умеет при помощи разума определять истинную цену каждому занятию и развлечению. —
Так разве нет искусства жизни, правил, заповедей, которые направляли бы нас? Разве можно достичь полного удовлетворения без размышления и ума, благодаря лишь слепому руководству влече-

- ния и инстинкта? —
- P. 163 Если <...> мы выработали правила поведения, значит, мы философы. Если же мы применим эти законы к практике, значит, мы мудрецы.
 Главный же мастер — *тот*, кто соединяет эти различные части в единое целое, приводит их в движение в соответствии с истинной гармонией и пропорцией и достигает истинного счастья как следствия внутреннего порядка. —
- P. 164 Знай же, что этот труд — главная составная часть того счастья, к которому ты стремишься с замиранием сердца <...>. —
- P. 165 И разве то же самое прилежание, направленное на усовершенствование нашего духа, смягчение наших аффектов и просвещение нашего разума, не может сделать соответствующие занятия приятными, когда мы каждый день ощущаем, что продвигаемся вперед, и созерцаем, как наши внутренние и внешние черты становятся день ото дня лучше? Вначале излечи себя от сонной лениности!¹ —
- Сама праздность становится усталостию, само твое удовольствие порождает отвращение. —
- P. 169 Чувства человеколюбия столь обаятельны, что они просветляют лик самой печали и действуют подобно солнцу, которое, посылая свои лучи на темную тучу или падающий дождь, придает им самые прекрасные цвета, краше которых нет ничего во всей природе. —
- P. 172 В истинном мудреце и патриоте собрано все, что когда-либо способна достигнуть человеческая природа и что возвышает простого смертного до сродства с божеством. Самая отзывчивая благожела-

¹ Читая труд Д. Стюарта «Philosophie des facultés actives et morales de l'homme» (Paris, 1834. Описание № 2780), Жуковский отмечает двойной чертой на полях приведенное Стюартом рассуждение Ларошфуко: «Ошибочно думать, что только сильные страсти, подобные амбиции и любви, могут главенствовать над другими. Лень не позволяет человеку быть хозяином, она узурпирует все намерения и все действия жизни, она незаметно разрушает и поглощает страсти и добродетели» (Р. 7).

тельность, самая смелая решимость, самые нежные чувства, возвышенная любовь к добродетели – все это воодушевляет его восторженное сердце.

Какое удовольствие получаешь ты, помогая страждущим, успокаивая несчастных, поднимая упавшего, пресекая действия жестокой судьбы или еще более жестокого человека, который издевается над всем благим и добродетельным!

<...> И, одаря своим вниманием больший круг людей, чем круг родственников и знакомых, распространяет свое благожелательное участие на самых отдаленных потомков. Он рассматривает свободу и законность как источник человеческого счастья <...>.

Таким образом, философия английских моралистов, начиная с 1800-х годов, явилась для Жуковского одной из основ создания программы жизнестроения, нравственного самовоспитания.

III

Понимание обусловленности содержанием моральной философии всех гуманитарных отраслей знаний, в том числе и истории, Жуковский продемонстрировал в письме к А.П. Киреевской 1827 года, в котором он поставил рядом имена Фергюсона, Стюарта и В. Скотта.

В процессе восприятия английской истории и исторической науки наиболее важным для Жуковского оказались два аспекта: проблема свободы и историзм как тип научного и художественного сознания XIX века.

Проблема свободы была стержневой в творчестве Жуковского и русской литературе его времени. Природа свободы, общественной и нравственной, ее философские и социальные корни, условия существования были предметом глубокого внимания Жуковского при чтении английских, немецких, французских мыслителей¹. В законодательстве, общественном строе, в истории Англии как самой развитой и передовой европейской державы Жуковский искал «основ народного величия»² в «физической и нравственной свободе человека»¹.

¹ См.: *Канунова Ф.З.* Ibid.

² *Жуковский.* С. 10. С. 974.

Готовясь к путешествию 1839 года, Жуковский внимательно изучает труды по экономике, политике и истории Англии. В круге чтения оказывается книга Дж. Р. МакКулоха (McCulloch J.R., 1789–1864) «Статистический отчет Британской империи. Описание ее состояния, народа, промышленности, гражданских и религиозных институтов»². Это исследование получило высокую оценку А.И. Тургенева³.

Во втором томе «Статистического отчета» МакКулоха сохранились многочисленные карандашные подчеркивания на полях и в тексте, два рисунка плана залы заседания английского парламента и записи на верхней и нижней обложках. Рукой Жуковского на нижней записано:

<i>Aspect</i>	
<i>vie sociale</i>	<i>vie</i>
<i>usages</i>	<i>Littérature</i>
<i>vie</i>	<i>Condition du peuple</i>
<i>amusements</i>	<i>Institutions et Éducation Arts</i>

Возможно, это план чтения книги или обозначен круг интересующих Жуковского проблем в связи с поездкой в Англию, но в любом случае он характеризуется широтой интереса к различным сторонам жизни, в том числе политическим и экономическим.

---

¹ Дневники. С. 489.

² *McCulloch J.R.* A statistical account of the British Empire. Exhibiting its extent, physical capacities, population, industry and civil and religious institutions. Т. 1–2. London, 1837 (Описание № 1577).

³ А.И. Тургенев пишет: «Это лучшее творение об Англии, особливо в том отношении, что ее конституция, в нынешнем состоянии, подробно описана там самим Брумом. В новом издании включено и изъяснение всего гражданского управления Англии с указанием на недостатки и преимущества всех действующих пружин английской государственной машины. Таким образом, если книгу МакКулоха назвать можно анатомией Англии, то речи и портреты Брума будут психологическою или моральною статистикою и вместе новейшею историею Великобритании. МакКулоха я знаю лично, бывал в Эдинбурге и в Лондоне на его лекциях о политической экономии, часто беседовал с ним у него и у себя. <...> Я слушал его первые лекции в Лондоне. Он читал превосходно, соединя в себе достоинства хорошей методы преподавания с выгодами положения своего в центре всемирной торговли и промышленности, коих он был точнейшим исследователем и в то же время издателем коммерческого лексикона». Опубликовано: Современник. 1838, Т. X, отд. V. С. 1–88.

Более всего помет сделано в четвертой главе: «Конституция и правительство, государство и религия Британской империи», написанной, по утверждению А.И. Тургенева, Генри Брумом, английским политическим деятелем, которому посвящено немало страниц в «Хронике русского» А.И. Тургенева. С Брумом встречался в Англии и Жуковский. Подчеркивания в главе о «Конституции...» обнаруживают большой интерес к государственному устройству Англии, ее истории, представленной в датах, именах, цитатах из законов, Хартии. Особое внимание привлекают вопросы о власти короля и парламента, о мере конституционной и гражданской свободы, о роли буржуазии. Рассматривая Великую хартию 1215 года, Брум указывает – эти слова подчеркнуты в книге: «В Хартии мы находим зародыш многих наших самых ценных учреждений <...> например, человек не будет лишен свободы или заключен в тюрьму или подвергнут другим наказаниям без законного суда членов палаты лордов или закона страны»¹.

В тексте подчеркнуты рассуждения об ограниченной власти короля, о том, что принципы Великой хартии «жили в разуме народа, в сознании его прав и свобод»², что «правительство, в целях безопасности, должно установить тесную связь с большинством народа, объединить усилия, чтобы установить его желания»³. Нетрудно понять, что выделенные в тексте рассуждения об отношениях короля и парламента, правительства и народа связаны с раздумьями и В.А. Жуковского, и А.И. Тургенева о положении дел в России, и в первую очередь об институте крепостного права. Вертикальной чертой Жуковский выделяет итоговый абзац первого раздела четвертой главы «General Outline of the English Government, with a Sketch of its History»: «Такой, коротко говоря, является Британская конституция и ее история; конституция, при которой народ этого острова достиг небывалой в анналах истории власти, – «власти», если использовать язык иностранцев, – «с которой, по завоеваниям Рим, в высоте своей славы, не сравнится; которая установила над миром свои владе-

¹ McCulloch J.R. Ibid. Vol. 2. P. 205.

² Там же. С. 213.

³ Там же. С. 218.

ния и военные посты; чей утренний барабанный бой, следуя за солнцем, на протяжении всего времени окружает землю непрерывно и постоянно». Но не в этом ее власть, не в величии ее доминионов, за которые мы

с величайшим наслаждением воздаем ей. С большей гордостью и удовольствием мы отмечаем непрерывный курс внутреннего мира и процветания, которым ее народ столь долго наслаждается. На протяжении войн, которые вели страны вокруг и активную роль в которых играла Великобритания, мир на ее берегах никогда не был нарушен. На ее счастливой земле повседневные заботы жителей ни одного раза не нарушились <...> стены ее городов не разрушались, благодаря идеальной защите, и поколение за поколением собиралось вместе в ее тихих церковных дворах, не видя ни единого солдата, кроме как на параде, не слыша звука канонады, кроме как в честь победы»¹.

МакКулох в своем исследовании приводит многочисленные, подробные статистические таблицы – ценнейший материал для понимания экономического развития страны, свидетельствующий о достоверности и глубине научных наблюдений. В связи с методом статистики следует отметить прочитанную Жуковским книгу об Англии Огюста Луи де Сталь (*Stael-Holstein, Auguste-Louis; 1790–1827*) «Письма об Англии»². На полях сплошной вертикальной чертой Жуковский выделяет абзац, в котором говорит о двух методах статистики: первый – «сводные таблицы, которые цифрой отвечают на все вопросы», выпрямляют материал и не справляются с фактами, не укладывающимися в прокрустово ложе. Второй метод учитывает все многообразие фактов, «различную бесконечную вариацию реальных действий» – метод, требующий большой скрупулезности, точности, выводящий общие результаты для расчетов и размышлений³.

В шестом томе «Избранного» из «Эдинбургского обозрения», посвященного «политической экономии, законам и юриспруденции», Жуковский в оглавлении отмечает все восемь статей:

¹ Там же. С. 219.

² *Stael-Holstein, A.-L. Lettres sur l'Angleterre. Paris, 1829 (Описание № 2175).*

³ *Stael A. Ibid. P. 8.*

• On the advantages to be derived from the study of Political Economy.

- English Criminal Law.
- Injurious Effects of exorbitant Taxation.
- Effects of Restrictions of Foreign Commerce.
- Value of Colonial Possessions.
- Political and vested Right.
- Causes and Cure of Disturbances and Pauperism.
- Ireland. The Causes of her Misery and Discontent, and the best Means of removing them¹.

Чтение экономической английской литературы, обусловленное интересом к стране и осмыслением природы феномена современного свободного общества, было одновременно способом овладения научными методами исследования и понимания закономерностей развития. Изложение политической экономии неотделимо от исследования истории, уяснения ее актуальности.

Записи Жуковского в Дневнике во время путешествия по Англии свидетельствуют о его хорошем знании ее истории, о заинтересованном отношении к разным эпохам развития. Посещая Лондон, Ковентри, Бирмингем, Кенилворт, Варвик, Герефорд, Бристоль, Бат, Оксфорд, Вудстон, Бленхейм, Жуковский с неизменным постоянством и тщательностью заносит в Дневник и альбомы названия, описание исторических реликвий, связанных с именами королей, лордов, сражений, легенд, книг, хранящихся со времен средневековья, церковей, кладбищ, памятников.

В библиотеке поэта сохранились книги по истории Британии и историков Англии. Среди них: *Gibbon Edw.* The history of the decline and fall of the Roman Empire. Vol. 1–12. London, 1815 (Описание № 1110); *Gillies J.* The history of ancient Greece, its colonies and conquests. Vol. 1–5. Basil, 1790 (Описание № 1111). Многие книги по истории Англии содержат пометы Жуковского. Из авторов XVIII века представлены: *Hume D.* Histoire d' Angleterre. Depuis l'invasion de Jules-César jusqu' a la révolution de 1688. Paris, 1825–1827 (Описание № 1357); *Goldsmith O.* Histoire d' Angleterre avec notes d'apres MM. Thierry, de Barante, de Norvins et Thiers. Paris., 1837. Т. 1–4 (Описание № 1144).

¹ Selections. Ibid. Vol. 6. P. 1.

Из современных Жуковскому историков Англии наиболее интересными для поэта оказались книги: *Quizot Fr. Discours sur l'histoire de la révolution d' Angleterre*. Paris, 1850 (Описание № 1203). В библиотеке с большим количеством помет находится *Cours d'histoire modern* (Курс современной истории) Гизо (Описание № 1201). Книга *Г. Брума* в 2 томах об эпохе Георга III (*Brougham H. Historical sketches of statemen who flourished in the time of George III*. London, 1839. Vol. 1–2 (Описание № 734) была, вероятно, подарена Жуковскому автором во время пребывания поэта в Лондоне. О встрече с Брумом есть запись в Дневнике от 24 апреля (6 мая) и 25 апреля (7 мая)¹. В связи с этой книгой следует заметить, что встречи в Англии с людьми подобного масштаба, как Брум, реально приобщали Жуковского к истории, культуре, интеллектуальному пласту нации².

Среди современных историков Англии в статье 1850 года «Русская и английская политика» Жуковский называет Томаса Маколея (1800–1859): «Недавно я читал историю английской революции Маколея; это чтение преисполнило меня удивлением к тому народу, который имеет такую историю, таких историков и такое могучее, стройное бытие политическое»³. В библиотеке поэта сохранилась книга: *Macaulay's Essays*. Frankfurt o/M, 1849 (Описание № 1576).

Таким образом, на основании материалов библиотеки поэта можно очертить достаточно широкий круг исторической англий-

¹ Дневники. С. 490.

² Для этого достаточно напомнить характеристику, данную Бруму А.И. Тургеневым: «Если обозреть весь круг деятельности Брума, то нельзя не удивиться универсальности его всеобъемлющего таланта. Адвокат и судья неутомимый, издатель различных периодических сочинений, оратор парламента, шесть часов без раздыха об одном предмете рассуждающий в камере депутатов, и грозный член оппозиции в обеих камерах; канцлер-реформатор судебной части в Англии, друг негров и враг бесчеловечных их притеснителей, куратор Оксфордского университета и один из основателей Лондонского, редактор ученых программ академических и, подобно д'Аламберу, математик и сочинитель классического предисловия к английской энциклопедии; историк колоний, едва ли не прежде Герена; мыслитель и сочинитель натуральной философии в подражание своему предшественнику в канцлерстве Бэкону; историк современных событий в издаваемых им речах и портретах и наконец всегда и во всем желающий добра людям <...>». *Тургенев А.И.* Ibid. P. 172–173.

³ *Жуковский.* С. 10. С. 974.

ской литературы, знакомством с которой, в едином контексте с французской и немецкой, определялся уровень исторического сознания Жуковского. Но для него как поэта-художника необычайную значимость имели произведения его великих английских современников – Байрона, В. Скотта, выросших на трудах отечественных философов-моралистов. В произведениях Байрона, В. Скотта, Кольриджа и других писателей и поэтов Жуковский находил художественное преломление и выражение современного исторического и философского сознания, постановку актуальных проблем современной истории, в том числе проблемы свободы человека.

В 1832–1833 годах, имея за плечами опыт 1812 года, уроки восстания декабристов и целой серии европейских революций с центральной фигурой эпохи – Наполеоном, Жуковский внимательно читает «Паломничество Чайльд Гарольда» Байрона.

Более всего отчеркиваний сделано в IV песне: странствия Чайльд Гарольда по Италии. Судя по содержанию выделенных строф и записей на полях, Жуковского глубоко интересовала байроновская философия истории.

Обращение к теме Италии, традиционной для западноевропейского романтизма, выразило не только неприятие Байроном современного ему мира, но дало представление о содержании положительного идеала, о понимании им сущности исторического развития. Художественное воспроизведение Италии необычно ярко раскрыло особенность философского историзма Байрона – всепроникающую диалектичность его мышления. Отмеченные Жуковским группы строф, связанные с разнообразными вопросами, неизменно объединяются одним общим качеством: все явления и предметы изображения предстают постоянно в двойном, контрастном измерении: прошлого и настоящего, великолепия и хаоса, созидания и разрушения. Так, Жуковский отмечает группу из четырех строф (62–65), посвященных Тразимене. В первых трех строфах дается описание сражения римлян с карфагенянами, когда «потоки переполняли реки кровью», «шторм битвы был подобен лесу, сваленному горным ветром», а «неистовство было столь велико», что «земля казалась качающимся барком, который нес сражающихся к Вечности – они видели вокруг океан, но не имели времени заметить движения своего судна». Описание битвы, отмеченное печатью

меченное печатью оссиановской традиции, само по себе представляло интерес для Жуковского-художника. Но он отчеркивает и 65-ю строфу, рисующую Тразимену сегодня:

LXV

Trasiméne offre aujourd'hui un tableau bien différent. Son lac semble une nappe d'argent, et sa plaine n'est plus sillonnée que par le soc de la charrue. Ses arbres antiques sont aussi nombreux que les morts qui couvraient cette terre sous laquelle s'entrelacent leurs racines; un ruisseau, un faible ruisseau dont l'onde limpide coule sur un lit étroit, a pris son nom de la pluie de sang qui arrosa la terre le jour de ce carnage. Le Sanguinetto nous indique le lieu où le sang inonda la plaine et rougit l'onde attristée¹.

Как Тразимена изменилась ныне!
Лежит, как щит серебряный, светла.
Кругом покой. Лишь мирный плуг в долине
Земле наносит раны без числа.
Там, где лежали густо их тела,
Разросся лес. И лишь одна примета
Того, что кровь когда-то здесь текла,
Осталась для забывчивого света;
Ручей, журчащий здесь, зовется Сангвинетто².

Жуковский выделяет из текста целостный отрывок, в котором определяющей является идея изменения мира.

Понимание процесса истории как развития находит выражение у Байрона в нескольких, сложно перекрещивающихся аспектах, воссоздающих динамику изображаемой жизни и противоречивую диалектику самого восприятия. История Италии эпохи Древности и Возрождения получает у Байрона философский обобщенный смысл истории всего человечества. Италия изображается в двойной перспективе: Италия великого прошлого и Италия в современном мире, в круге его проблем. Между двумя полюсами, прошлого и настоящего, заключена история развития всего человечества. Ход истории, ее закономерности и катаклизмы получают у Байрона сложную оценку, обусловленную проти-

¹ *Byron G. Oeuvres complètes. Paris. 1827. Т. 3. Р. 49 (Описание № 760).*

² Русский стихотворный текст поэмы Байрона «Паломничество Чайльд Гарольда» дается в переводе В. Левика по изд.: *Байрон. Собрание соч.: В 3 т. М., 1974. Т. 1. С. 263.* В дальнейшем ссылки в тексте даются на это издание с указанием в скобках тома и страницы.

воречивостью его общественной и философской концепции. С одной стороны, процесс развития человеческого общества осмысливается Байроном трагически. Жуковский отчеркивает строфы, полные пессимистических раздумий английского поэта. Мотив руин и хаоса сопровождает изображение Италии и Рима.

Судя по пометам, Жуковского необычайно волнуют поднимаемые Байроном в процессе осмысления истории общественные проблемы, которые были связаны с сегодняшним днем Европы. В дневнике Жуковского 1832 и начала 1833 годов в кругу чтения отчетливо выделяется проблема общественного неспокойствия, вызванного европейскими революциями. Еще летом 1832 года в Германии Жуковский записывает в дневнике о брожении на юге Европы: «Франция революционизирует Швейцарию, южную Германию и Италию. Натянутое состояние». Читая мемуары Людовика XVIII, Жуковский замечает о событиях во Франции: «Какое бедствие для государя и государства; двор: но французский двор был неизбежная беда, произведение веков. Нужна была бедственная революция, чтобы уничтожить это бедствие»¹.

Естественно, что Жуковский не мог не отметить размышления Байрона о путях развития современного мира, о свободе и тирании. Он отчеркивает первую половину 96-й и полностью 97-ю строфы IV песни, заключающие трагические раздумья Байрона о превращении народов в слепую, рабскую массу, о разгуле тирании, об угасании свободолюбивого духа.

Со скепсисом Байрон говорит об опыте Французской революции 1789–1793 годов:

Пьяна от крови, Франция в те дни
Блевала преступленьем. Все народы
Смутила сатурналия резни,
Террор, тщеславье, роскошь новой моды, –
Так мерзок был обратный лик Свободы,
Что в страхе рабству мир себя обрек,
Надежде вновь сказав «прости» на годы.
Вторым грехопаденьем в этот век
От Древа Жизни был отторгнут человек (I, 272).

На полях этой отчеркнутой строфы Жуковский записывает: «*tourn <er>mais à l'erreur*» (повернуть, но к ошибке).

¹ Дневники. Ibid. С. 225.

Но пессимизм, порожденный печальными итогами Французской революции, скепсис в отношении великих идей просветителей не отменяли веры Байрона в свободу и справедливость идеалов, завещанных ими. Байрон с горечью, которая питается верой в человечество, восклицает:

Ужель тирану страшны лишь тираны?
Где он, Свободы грозный паладин,
Каким Минерва девственной саванны,
Колумбия, был воин твой и сын? (I, 272)

Жуковский отчеркивает эти строки, а на нижней части 64-й страницы под 98-й строфой делает запись, которая содержит его положительную программу, отличную от революционных идей Байрона, но сходную с его раздумьями, просветительской верой в человека и пессимистической оценкой сегодняшнего дня Европы:

«Civilisations et religion les vrais chemins de la vrai liberté: existe mais qui la donne? Tous les deux ni le donner ni le recovoit n'existe pas ainsi». <Цивилизация и религия – истинные пути настоящей свободы. Свобода существует, но кто ее дает? Следовательно, нет ни того, ни другого (дающего и получающего. – Э. Ж.)>.

В этом же аспекте интересна помета к строфам о Наполеоне (89–91). В 89-й и 90-й строфах Жуковский отчеркивает те строки, в которых Байрон сравнивает Наполеона с древними римлянами, называет римлян «железными людьми», а Наполеона «поддельным Цезарем».

LXXXIX

Qui! mais ils ne sont plus, tous tes nourrissons; elle est éteinte la race de ces hommes de fer; et le monde a construit des villes avec les débris de leurs tombeaux...

XC

Dupe de sa grandeur trompeuse, il n'a été qu'une espece de César bâtard, bien inférieur a l'ancien: car l'ame du César de Rome avait été jetée dans un moule moins terrestre... (III, 61).

Двумя параллельными линиями Жуковский отчеркивает 91-ю строфу:

XCI

Je suis VENU, j'ai VU, j'ai VAINCU. Mais l'homme qui eût voulu que ses aigles, souvent victorieuses, il est vrai, précédassent les soldats de la France, comme les faucons dressés par les chasseurs, cet homme étrange et farouche avait un coeur qui semblait ne s'écouter jamais lui même. Il n'eut qu'une faiblesse, mais la dernière de toutes, la vanité; son ambition capricieuse ne put s'en affranchir... Que voulait-il?.....pourait-il répondre et déclarer lui même ce qu'il voulut?..... (III, 62).

И вот он Цезарь вновь! – А тот, хотящий
Чтоб стал послушным соколом орел,
Перед французской армией летящий,
Которую путем побед он вел, –
Тому был нужен Славы ореол,
И это все. Он раболепство встретил,
Но сердцем был он глух. Куда он шел?
И в Цезари – с какою целью метил?
Чем, кроме славы, жил? Он сам бы не ответил
(I, 270–271).

На полях Жуковский сделал комментарий к строфе:

«La grande idee manquait se faire votre de tout en une tout grandui; se faire humble agent de Dieu et praiter dans cette grande votre en gradui: Elle détruit les passions et le convertit en vrai fêerie creation».

<Великая идея лишена сугубо личного в любом роде величия, того, чтобы стать скромным выражением Бога и воплощать величие через личностное: Она разрушает страсти и обращается в истинно праздничное творение>.

Отчеркиванием 91-й строфы Жуковский выразил свое внимание к оценке Байрона, рассматривающего деятельность Наполеона в ряду европейских потрясений и переворотов, не принесших народу свободы. В записи же он выразил сущность своей положительной концепции об определяющей роли всеобщих интересов в помыслах и действиях великих людей. Комментарий приобрел характер диалога, в котором Жуковский наметил выход из отчаянного пессимизма. Вместе с тем очевидно его неприятие любых форм революционного преобразования мира. Эта мысль найдет развернутое выражение в письме к наследнику цесаревичу от

1 января 1833 года. Нарисовав в письме картину обвала гор в долине, Жуковский сравнивает разрушение в природе с процессами в истории: «Вот история тех революций, всех насильственных переворотов, кем бы они производимы ни были, бурным ли бешенством толпы, дерзкою ли властью одного! Разрушать сущее, жертвуя справедливостью, жертвуя настоящим для возможного будущего блага, есть опрокидывать гору на человеческие жилища с безумною мыслию, что можно вдруг бесплодную землю, на которой стоят они, заменить другою более плодоносною. И, правда, будет земля плодоносною, но для кого и когда?»¹

В отношении Жуковского к байроновской философии истории важен методологический аспект. Жуковскому родственны были диалектичность исторического мышления английского поэта, позволявшего занимать объективную позицию в анализе современных явлений, в данном случае – в отношении Наполеона. Позже, читая «Избранное» из «Эдинбургского обозрения», Жуковский в оглавлении четвертого тома отметит целый ряд статей, посвященных европейским революциям, связанных с действием Наполеона:

- The Downfall and Character of Napoleon Bonaparte.
- The Restoration of Napoleon Bonaparte to the Throne of France.
- The French Revolution of 1830.
- The State of Public Feeling in France after the First and the Second Restoration of the Bourbon².

Д. Юм в эссе «Об изучении истории» писал, что, «историки всегда были истинными друзьями добродетели и всегда представляли ее в истинном свете, как бы они ни ошибались в своих суждениях относительно тех или иных отдельных лиц»³. Позиция авторов статей «Эдинбургского обозрения» в оценке европейских революций, в частности французских, и личности Наполеона характеризуется стремлением объективно осветить pro и contra этих событий.

В статье «The Restoration of Napoleon Bonaparte to the Throne of France» автор, исследуя причины скорого возвращения Наполе-

¹ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений: В 12 т. СПб., 1902 (сокращенно: ПСС). Т. 12. С. 29.

² Selections. Ibid. Vol. 4. P. 1.

³ Юм Д. Ibid. Т. 2. С. 820.

она, обращается к урокам французской революции, рассматривая их как со стороны прогрессивных итогов, так и издержек подаренной ею свободы. «Свобода, – пишет автор, – одна из роскошей, которой, кажется, предназначено наслаждаться только некоторым нациям и на короткий срок»¹. Этот историей данный урок подтвердила Французская революция, которая, говорится в статье, «покончила со злоупотреблениями, несправедливостью». Благодаря революции «вперед продвинулись сельское хозяйство Франции, была проведена военная реформа». В качестве награды революция произвела конфискацию, но, как утверждает автор, «несправедливую конфискацию», которая явилась «самым отвратительным примером легального воровства»². Французские крестьяне и городское население, освобожденное от униженности, получившее без труда во владение собственность, вдохнули воздух «короткой и сомнительной свободы», не став прочным фундаментом, на который могла бы опереться власть. Начавшиеся и не прекращавшиеся во Франции войны положили конец свободе: «Ничего не может быть более ясным, чем то, что ни одна страна не станет свободной, богатой и нравственной, если она ведет оккупационную войну, где военный приказ имеет самое главное значение и задает тон»³.

Следует заметить, что размышления и выводы, сделанные английским автором на материале событий во Франции, получили прямой и непосредственный отзвук в статье Жуковского 1850 года «Русская и английская политика», в которой он говорит об угрозе английской свободе со стороны правительства Пальмерстона, принявшего под покровительство восставшую Польшу: «Англия, при всем своем народном величии, не иное что, как всемирный корсар, сообщник сперва потаенный всех мелких разбойников, провозглашающий, как последний результат христианской цивилизации, право сильного и без стыда поднимающий красное знамя коммунизма посреди государств, в подражание грязным толпам черни, строящим по городам баррикады для грабежа во имя свободы»⁴.

¹ Selections. Ibid. Vol. 4. P. 287.

² Ibid. P. 288.

³ Ibid. P. 306.

⁴ Жуковский В.А. С. 10. С. 974.

Философская прививка английского сенсуализма в виде уважения к опыту, к фактическим знаниям проявилась в исторических исследованиях в стремлении к объективности, в понимании ценности детали, факта, воссоздающих события и сообщающих работам историков научную достоверность. Для Жуковского воплощением современного исторического мышления являлся В. Скотт.

Имя В. Скотта в контексте изучения проблемы историзма в искусстве и исторической науке XIX века занимает особое место. С его творчеством – поэта, романиста, историка – связывается новая эпоха романизма и историзма, в понимании и изображении человека и истории «домашним образом»¹.

В библиотеке поэта, помимо художественных произведений, находится «История Шотландии». Во французском издании собрания сочинений В. Скотта 1830–1831 гг. пометы Жуковского содержатся в 28-м томе («История Шотландии») в виде подчеркивания отдельных слов и предложений, а также вертикальных отчеркиваний целых абзацев на протяжении II–IX глав первого тома «Истории Шотландии». Интерес Жуковского к книге В. Скотта понятен. Это было новое произведение «шотландского чародея», которое читала вся Россия. В 1831 году в переводе М. Михайлова с английского вышло русское издание «Истории Шотландии», которое сразу было оценено в «Телескопе»: «Перевод русский изряден»². В той же библиографической заметке было сказано, что «это начертание истории Шотландии для народа шотландского»³.

Чтение Жуковским «Истории Шотландии» могло быть связано в 1830-е годы с подготовкой поэта к путешествию по Англии, когда, возможно, планировалось посещение Шотландии. П.А. Вяземский писал А.И. Тургеневу 25 февраля 1838 года: «Жуковский погрузился в Англию телом и духом: доучивается английскому языку, изучает исторические, статистические книги о ней и едва ли не сел на портвейн»⁴.

Большинство отчеркиваний в «Истории Шотландии» связано с выделением конкретных исторических имен, битв, географиче-

¹ Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1976. Т. 6. С. 269.

² Телескоп. 1831. Ч. IV. № 16. С. 517.

³ Там же, С. 516.

⁴ ОА. Т. 4. С. 25.

ских названий Шотландии эпохи ее борьбы за независимость с Англией. Во II и IV главах Жуковского преимущественно интересуют факты истории. В следующих главах (V, VI, VIII и IX) внимание Жуковского особо привлекает история двух национальных героев: сира Вильяма Уоллеса и Роберта Брюса.

Уже первые русские критики указывали на своеобразие повествовательной манеры В. Скотта-историка: «Вальтер Скотт не первый вздумал сообщить такое направление (истории для народа. – Э. Ж.) и дать такой тон отечественной истории. Еще прежде него Маккинтош составил краткое начертание Английской, а Томас Мур Ирландской истории с подобной целью; Вальтер Скотт дополнил этот исторический трилистник Шотландской Историей. Сообразно со своею целью он старался преимущественно о простоте и вразумительности изложения; и, должно признаться, избежал счастливее, чем Цшокке, того эмфатического напряжения, которое изъясняется и извиняется патриотическим воодушевлением. Между тем нельзя, с другой стороны, и не пожалеть, что, ограничиваясь чрезмерно своею целью, он слишком много рассказывает, слишком много занимается внешнею историею своего отечества и слишком мало ее внутреннею физическою и нравственною физиономиею»¹.

Судя по пометам, Жуковского более всего интересует древняя эпоха Шотландии, когда были отчетливо видны национальные черты, поскольку еще не произошло ассимиляции с Англией. Его занимает нарративный принцип В. Скотта-историка², именно то, что он «слишком много рассказывает». Во всех отмеченных Жуковским отрывках особо важную роль играет деталь, которая, будучи фактической, создает локальный национальный колорит и вместе с тем является отправной точкой художественного вымысла, позволявшего В. Скотту сопрягать конкретно-историческое с общечеловеческим. Тон летописца, объективность рассказа сочетаются с живыми заинтересованными интонациями, эмоциональными оценками. Жуковский отмечает поверья, легенды, объясняющие у В. Скотта поведение и сознание людей. Интересной по-

¹ Телескоп. 1831. Ч. IV, № 16. С. 516–517.

² Реизов Б.Г. Французская романтическая историография. Л., 1956. С. 116–112.

казалась ему легенда о пауке, на которого упал взгляд Р. Брюса, когда он впал в отчаяние от поражений и неудач:

«Он увидел паука, который вися на длинной нити своей, усиливался перебраться с одной балки на другую, где хотел укрепить нить, на которой предполагал расположить сеть свою. Когда одно усилие паука оставалось тщетным, он делал другое, и все напрасно. Брюс видел, что паук сделал уже шесть покушений, и что все они более неудачны. Ему приходит на мысль, что именно шесть сражений дано им Англичанам, и что следовательно он находится совершенно в одинаковом с пауком положении <...> Пока Брюс принимал сие намерение, паук собирал силы для нового опыта и достиг наконец цели. Он укрепил паутину свою на балке, на которой столь долгое время старался утвердиться. Ободренный сим примером, Брюс решился еще раз испытать счастье свое на войне. Дотоле никогда не одерживая победы, с сего же времени никогда не понес он значительного урона, и не был побеждаем» (66).

«Между сопровождающими был некто Симон Локард Лийский, ему было поручено по смерти Дугласа привезти сердце Брюса в Шотландию, куда доставлены и остатки Лорда Джемса, и погребены в церкви <...> Сердце Короля положено было при главном жертвеннике Мельрозского Аббатства, тело же его погребено в Дунфермейской церкви» (114).

Заинтересованное чтение Жуковским «Истории Шотландии» свидетельствует о внимании его к проблемам, волновавшим В. Скотта с его ориентацией на эпоху формирования национального самосознания, с «повествовательным» принципом изображения истории.

Важным моментом в осмыслении Жуковским историзма В. Скотта является его указание на органическую взаимообусловленность в творчестве английского писателя нравственного, морально-философского и исторического аспекта. На эту черту таланта В. Скотта указывали русские современники Жуковского. К 1828 году относится рассуждение П.А. Вяземского о В. Скотте как «практическом романисте», «который дарованием, творчеством и, так сказать, всю нравственную жизнь своей действует на открытом поле и среди бела дня, а не под сумраком и засадами

непроникаемого капища»¹. В.Г. Белинский на протяжении всей своей деятельности, неоднократно говоря о В. Скотте как «создателе нового рода поэзии <...> исторического романа»², особо подчеркивал художественность и глубину нравственного содержания его созданий, воспроизводящих поэзию действительной жизни. Он называет В. Скотта «самым положительным умом» (VI, 133). В 1845 году в рецензии «Романы Вальтера Скотта» Белинский пишет о «невыразимом очаровании впечатлений» от чтения его романов: «Это поэт всех полов и всех возрастов, от отрочества, едва начинающего пробуждаться для сознания, до глубокой старости. Он для всех равно увлекателен и назидателен; чтение его романов, унося человека в мир роскошных, хотя и действительных явлений, проливает в его душу какое-то бодрое и вместе с тем кроткое, успокоительное чувство; очаровывая фантазию, образывает сердце и развивает ум, потому что поэзия Вальтера Скотта не эксцентрическая, не мечтательная и не болезненная: она всегда здесь, на земле, в действительности; она – зеркало жизни исторической и частной» (VIII, 422–423). О В. Скотте Жуковский пишет Н.В. Гоголю в 1848 году: «Его поэзии предаешься без всякой тревоги, с ним вместе веруешь святому, любишь добро, постигаешь красоту, и знаешь, какое назначение души твоей; он представляет тебе во всей наготе и зло и разврат, но ты ими не заражаешься, с тобою сквозь толпу очумленную идет проводник, заразе ее недоступный и тебя сопутствием своим берегущий»³.

¹ *Вяземский П.А.* Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 95. Но характерно, что П.А. Вяземский, обостренно переживавший политические события в Европе, не принял объективного тона В. Скотта в отношении Наполеона в историческом труде шотландца «Жизнь Наполеона», о чем раздраженно писал А.И. Тургеневу: «Он пишет, как Херасков пел: без лихорадки. В его обозрении французской революции нет ни одного нового указания, ни одной новой гипотезы для разгадания событий. Уж если в жизни Наполеона нет составов эпических и драматических, то где же их искать? Он писал, описывая хладнокровно: и читаешь, и смотришь хладнокровно. Жизнеописателю Наполеона нужно было увлечься предметом и не бояться энтузиазма; а после, в заключение всего, подвергнуть его строгому приговору человечества, которое он предал, ибо не хотел посвятить огромные, единственные средства свои на его благо. А он, то есть Вальтер Скотт, нигде не обольщается Наполеоном!» (ОА. Т. 3. С. 174–175).

² *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1979. Т. 5. С. 230. В дальнейшем ссылки даются на это издание с указанием в тексте тома и страницы.

³ *Жуковский В.А.* ПСС. Т. 10. С. 85–86.

IV

Большое значение для понимания романтического историзма и эстетики Жуковского имеет характер его чтения трудов о чудесном в жизни и в искусстве. В библиотеке поэта с большим количеством помет находятся «Письма о демонологии и колдовстве»¹ (Описание № 2099), оконченные В. Скоттом 16 июня 1830 года и опубликованные в том же году. На русский язык эта книга полностью не переведена, отдельные извлечения печатались в русских журналах².

Книга была прочитана Жуковским вся: многочисленные отчеркивания простым карандашом сделаны вдоль текста на полях во всех главах, но особенно их много в X письме. Время чтения предположительно можно отнести к 1830 и 1831 годам, учитывая популярность В. Скотта и особый интерес темы о фантастическом. Жуковский мог обратиться к книге и позже, во второй половине 1840-х годов, когда создавал свою работу «Нечто о привидениях».

Содержание книги В. Скотта дает богатый материал для понимания одной из важных особенностей английской научной и художественной мысли – синтетизм и глубинную обусловленность всех гуманитарных знаний английской моральной философией с ее ориентацией на практическую жизнь человека.

«Письма о демонологии и колдовстве» В. Скотта по времени – одно из поздних созданий. В жанровом отношении это необычайно интересное произведение: оно включает в себя жанры из различных сфер науки и искусства. «Письма» с полным правом можно назвать историческим трудом, поскольку в них исследуются сознание и быт средневекового человека. Характерное качество материала – фактичность, достоверность. Повышенный интерес В. Скотт проявил к источникам историй о чудесах. Многочисленные даты, названия городов, замков, деревень, реальных лиц, обязательные ссылки на имена, труды – все это создает колорит исто-

¹ *Scott W. Letters on demonology and witchcraft, addressed to J.G. Lockhart, esq. London, 1830* (Описание. № 2099). Сноски в тексте даются по этому изданию с указанием в скобках страницы.

² См.: *Левин Ю.Д. Прижизненная слава Вальтера Скотта в России // Эпоха романтизма. Л., 1975. С. 55, 59, 62.*

рического исследования. Привлекаемый материал обширен: летописи, книги по истории демонологии, сборники песен и легенд, произведения древних и современных поэтов (Гораций, Лукиан, Апулей, Тассо, Мильтон, Гете, Драйден, Маккензи, Макферсон и другие), отчеты судов, указы, церковные книги, государственные архивы. Главное здесь в том, что каждый раз В. Скотт акцентирует внимание читателя на фактичности, реальности источника информации.

Этот огромный материал был подчинен изучению сознания людей разных эпох и стран и служил объяснением поступков людей не только особенностью их физической природы (как это было показано в I письме), но историческими обстоятельствами, содержанием духовной жизни. Книга В. Скотта о чудесах переросла в энциклопедию нравов, обычаев, исторических событий, культуры из жизни Шотландии, Англии, Ирландии, Германии, Франции, Испании, Италии в разные эпохи: древность, средневековье, новое время. В отчеркнутых Жуковским историях щедро, с обилием деталей, тонких наблюдений над бытом, нравственным обликом были представлены обычаи народов.

Например, описывая свадебные обряды в Шотландии, В. Скотт замечает, что люди даже очень высокого звания избегали играть свадьбы в мае – в этом он видит печать язычества, бывшего одной из причин веры в духов. В III письме Жуковский отмечает историю, которую В. Скотт представляет как «экстравагантную, поражающую воображение», рассказанную Саксом Грамматиком о двух норвежских вождах, ставших братьями по оружию, и о том, как после гибели Ассуэта его друг Асмунд заживо похоронил себя рядом с ним, с его оружием, трофеями, лошадью и как после этого в течение ста лет Асмунд сражался со злым духом убитого, с демоном, поселившимся в тело друга, и какими обрядами сопровождалось двойное захоронение Ассуэта¹.

Эта легенда давала представление о нравах и обычаях в древние времена. В. Скотт стремится сохранить детали и воссоздать психологическую атмосферу переживаний людей той эпохи: «Асмунд держал свой меч в руках, доспехи почти оторвались от тела, лицо было исцарапано как после боя с диким зверем. Но как толь-

¹ Легенда опубликована в русском переводе: Молва. 1831. Ч. 50. №. 8. С. 1–4.

ко он появился при свете дня, он породил вереницу стихов о своем столетнем пребывании в могиле: героическую отвагу и силу воины сочетали с поэтическим талантом» (106). Как исследователь В. Скотт обогащает свои наблюдения огромным числом ассоциаций, основанных на знании истории, ритуалов народов других стран и времен. Особенно часто он прибегает к материалам из истории Древнего Рима и Шотландии. Эти описания, по Скотту, помогают понять не только причины явлений, но раскрывают человеческое сознание.

В. Скотта занимает творческая сторона сознания людей давних эпох, раскрывающаяся в легендах о приключениях в мире духов, когда максимально сближается реальная жизнь людей и фантастика. Художественно обработанные народным поэтическим гением волшебные сказки, мифы, описания кобольдов, эльфов становятся описанием жизни самого народа. Жуковский отчеркивает большую по объему, «одну из древнейших волшебных легенд» о Томасе Рифмаче, одном из творцов романсов о Тристане и Изольде, поэтическом гении Шотландии, о его приключениях в мире духов. «Волшебная» легенда предстает у В. Скотта в орнаменте реальных имен и названий: «Как-то Правдивый Томас (мы даем этот эпитет заранее) лежал на берегу Хантли (Huntly) у подножия Эйлдонских холмов (Eildon Hills), которые возносят кресты знаменитого монастыря Мельроз (Melrose), и увидел леди столь прекрасную, что вообразил, будто перед ним сама дева Мария» (132).

Закончив историю приключений Томаса Рифмача, похожего на простого деревенского парня, ленивца и увальня, дерзкого, смекалистого, удачливого, превосходящего своими достоинствами спесивых важных господ и наказывающего их за пренебрежительное отношение к простым людям, В. Скотт тут же начинает новую историю, а Жуковский отчеркивает ее: «Другую историю часто рассказывают торговцы лошадьми. Смелый жокей продавал черную лошадь человеку почтенного и старомодного вида. Покупатель указал на знаменитый бугор Эйлдонских холмов, названный «Счастливым зайцем» (Lucken-hare), как на место, где в 12 часов ночи он отдаст деньги». Далее следует рассказ о том, что произошло в полночь: «Торговец лошадьми последовал за своим покупателем-проводником мимо длинных рядов стойл, в

каждом из которых стояли неподвижные лошади, у их ног лежали без движения вооруженные воины. «Все эти люди, – шепотом сказал проводник, – проснутся для битвы при Шеримфуре». На краю этого склада висели меч и рог, которые оказались средством заклинания. Торговец взял рог и попытался в него подуть. Лошади мгновенно вскочили в стойлах, затопали и взнуздались, поднялись люди и залязгали панцири. Торговец, смертельно напуганный шумом, который он вызвал, бросил рог. Раздался мощный голос: «Горе тому, кто не взял меча перед тем, как подуть в рог». Вихрем унесло торговца из пещеры, и пути туда он больше не нашел. Мораль легенды такова: надо прежде вооружиться против опасности, а затем уже вызывать ее» (136–137).

В других историях подробно воссоздан облик эльфов, какими они представлялись шотландцам: «вид промежуточный между человеком и ангелом», «королева эльфов одета в белое полотно», «король – храбрый мужчина», ведьмы странствуют по стране «в разных видах: котов, зайцев», эльфы «рожают детей, женятся, умирают», их обвиняют в «краже молока у коров, в похищении беременных женщин и новорожденных детей», «они делают стрелы с наконечниками, которые остры, как молнии, и могут смертельно ранить человека, не повредив даже кожи», «они владеют магией, но от них есть защита: молоко не будет украдено, если губы теленка натереть бальзамом; женщину не похитят, если ей в кровать положить кусочек холодного железа» (161–165).

«Письма о демонологии и колдовстве» являются и эстетическим трактатом о проблеме чудесного, анализ которой базируется на философской основе.

Философская позиция В. Скотта в отношении демонологии и колдовства близка к взглядам представителей школы «здорового смысла». В. Скотт, как А. Смит и А. Фергюсон, не отрицает божественного промысла, но суеверие, страх перед призраками, демонами рассматривает как следствие болезни человека или темноты сознания, невежества и неразвитости. В самом начале I письма В. Скотт говорит о том, что он «не претендует на создание системы, а ограничивает себя изложением примечательных случаев», а потому «делает несколько общих замечаний о природе демонологии» как «необходимое введение в тему». В этом «необходимом введении» В. Скотт излагает теорию о смысле привидений и кон-

стативирует имеющееся на этот счет распространенное мнение: «Общая, или, как это может быть названо, всеобщая вера обитателей земли в существование духов, свободных от бремени и несостоятельности тела, основана на осознании Божества, которое говорит в наших душах и показывает всем людям, за исключением тех, которые бесчувственны к голосу небес, что в нас есть доля божественной субстанции, не подвластной закону смерти и исчезновения, и когда тело перестает быть пригодным для нее жилищем, она ищет свое место, как часовой, освобожденный от поста» (3–4). Отдав должное вере в божественную субстанцию, В. Скотт на протяжении I письма проводит исследование в духе эмпирико-сенсуалистического метода, доказывая, что многие описанные и известные чудеса в основном имеют реальные причины, а именно – отклонение от нормы в деятельности организма человека. Он приводит ряд аргументов, показывая, что иллюзии возникли вследствие аномалии зрения, слуха, осязания, работы желудка, кровообращения и т.д. Эти аргументы представлены в виде историй, небольших рассказов. Жуковский последовательно отмечает истории, пропуская собственно рассуждения В. Скотта. Тем самым обнаруживается огромный интерес Жуковского к самим фактам сверхъестественного, многочисленным и разнообразным.

На протяжении I письма В. Скотт объяснял причину появления призраков – физические аномалии. В X письме Жуковский отмечает большой по объему текст, в котором В. Скотт рассуждает о природе веры людей в сверхъестественное:

«Со времен Лукреция, абсолютного скептика, признается как непреложный факт существование призраков и частое их появление. <...> Было показано, что есть много историй о призраках, которых мы не решаемся назвать обманом, потому что доверяем тем, кто верит, что действительно было, и имеет к тому основание, хотя там и не было настоящих фантомов. <...> Поэтому мы далеки от утверждения, что подобные рассказы обязательно лживы. Легко предположить, что видения были вызваны живой мечтой, задумчивостью, возбуждением воображения или обманом зрения, в тех или иных случаях, не говоря о сознательном обмане, который возможен во многих примерах. Для всех случаев, которые называют историями о призраках, мы ищем объяснения. В действительности свидетельства об этих видениях редко

исследовались точно. Сверхъестественные легенды в большинстве своем воспринимались как способ развлечения общества, и тот, кто смеялся бы над своей доверчивостью, считался бы скорее моралистом, чем приятным компаньоном. Это было бы просто нарушением приличий, подобно тому, как если бы сомнению подвергалась ценность антикварных вещей, показываемых коллекционером для развлечения своих гостей. Положение оказывается более сложным, если в компании встречается человек, сам бывший свидетелем чудес, о которых рассказывает. Благоразумные люди при таких обстоятельствах отказываются от практикуемой в суде попытки задавать большое количество вопросов, и если кто вознамерится сделать это, он окажется под угрозой получения отповеди даже от почтенных людей, которые видят свою цель не в выяснении истины, но в том, чтобы поддержать веру в этот случай. <...> Приблизительное знание, выдаваемое часто за точное доказательство, – это слова нескольких человек, которые слышали рассказ, может быть, от человека, с которым это случилось, от членов его семьи или из числа друзей. Гораздо чаще повествователь обладает не большими возможностями, чем простое проживание в той или иной стране, где это случилось, или хорошее знакомство с домом, в котором появился призрак. Подобное свидетельство о мистической истории, почерпнутое из вторых рук, по каждому пункту попадает под приговор Английского суда. Судья остановил показания об убийце на основании сообщения признака убитого. «Подождите, сэр, – сказал судья, – призрак – великолепный свидетель, но он не может быть услышан судом. Позовите его сюда, и я выслушаю его лично». Однако это относится лишь к доверию одному человеку, который пересказывает то, что трое или четверо другие пересказывали друг другу по цепочке, последовательно, и мы часто верим в чудеса, несовместимые с законами природы, не согласующиеся с нашей любовью к чудесному и прекрасному» (355–357).

Отмеченное Жуковским рассуждение В. Скотта характерно для шотландской философии. Фергюсон пишет, что «суеверие имеет основанием сомнение и душевное беспокойство, а питается

невежеством и таинственной наружностью», что «оно исчезает только перед светом истинной веры и познанием природы»¹.

При чтении трактата Д. Юма «Исследование о человеческом познании» Жуковский сделал несколько отметок в главе «О чудесах». Все пометы связаны со скептическими размышлениями Юма: «Чудо есть нарушение законов природы, а так как эти законы установил твердый и неизменный опыт, то доказательство, направленное против чуда, по самой природе факта настолько же полно, насколько может быть полным аргумент, основанный на опыте»². Выделенным оказывается и другой отрывок, перекликающийся с размышлениями В. Скотта: «Итак, оказывается вообще, что ни одно свидетельство о чуде никогда не было равносильно вероятности, а тем более доказательству; и если даже предположить, что оно имело силу доказательства, ему можно было бы противопоставить другое доказательство, выведенное из самой природы факта, который стараются установить. Только опыт придает достоверность свидетельствам людей, но тот же опыт удостоверяет нам истинность законов природы <...> поэтому мы можем признать правилом, что никакие людские свидетельства не могут иметь силы, чтобы доказать чудо и сделать справедливым основанием подобной религиозной системы»³.

Философская позиция Жуковского в отношении к чудесам и вере в них не однозначна. Судя по пометам, Жуковский не принимает юмовского религиозного скептицизма (особенно сомнений Юма в истинности чудес, описанных в Святом Писании). Ему ближе позиция философов «здравого смысла» и В. Скотта. Как и они, Жуковский верует в божественный Промысел. В статье «Нечто о привидениях» он дает объяснение природы видений: «Эти явления духов, непостижимые рассудку нашему, строящему свои доказательства и извлекающему свои умственные выводы из материального, суть так сказать, лучи света, проникающие сквозь завесу, которою мы отделены от духовного мира; они будят душу посреди ленивого покоя земной очевидности, они обещают ей нечто высокое, но его не дают ей, дабы не произвести в ней раздора

¹ Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. СПб., 1818. Кн. II. С. 40, 41.

² Hume D. Ibid. Т. 2. Р. 21.

³ Ibid. Т. 2. Р. 54.

с тем, что ей дано здесь и чем она здесь должна быть ограничена и определена в своих действиях» (X, 95).

Но вера в божественную природу явления духов сочетается у Жуковского на протяжении всего его творческого пути с просветительской тенденцией – глубоким уважением к разуму, критическим отношением к суевериям и заблуждениям ума. Так, еще в ранний период в редактируемом им «Вестнике Европы» 1808 и 1809 годов были опубликованы статьи, свидетельствующие о сложности позиции Жуковского в отношении к чудесам. В № 18 за 1808 год за подписью «К» напечатана статья «О предрассудках». В первой части статьи отдается должное мыслителям, которые «утверждали, что всякий предрассудок есть заблуждение и что чем будут просвещеннее люди, тем менее останется предрассудков»: «Не спору, что есть предрассудки, жалости достойные, смешные и даже пагубные. Не спору, что благотворная философия освободила нас от многих суеверных ужасов, которые преворали человека в бессмысленное животное; что она разогнала призраки очарований, колдунов, мертвецов и астрологии; что, наконец, смягчила наши нравы, приучила нас к упражнению в полезных исследованиях, изъяснила нам права наши и обязанности. Так, философия оказала великие благодеяния роду человеческому, расторгши оковы невежества и суеверия, но <...>»¹. Вторая половина статьи реализует это «но», дав критику в адрес «гибельных предприятий исследовать наши чувствования, раздроблять все мнения», «доискиваться до самых начал», то есть уничтожить веру в божественную природу явлений. В 1809 году в № 11 «Вестника Европы» был напечатан «Отрывок письма из Ирландии» (Из соч. госпожи Эджеворт). Мария Эджеворт с сочувствием рассказывает о широком распространении суеверия между ирландцами, с грустным юмором описывает их обряды («Наконец, я в царстве фей, которое, однако, не имеет ничего очаровательного»; феи «населяют каждый пригорок, летают в каждом вихре, и суеверные жители кстати и не кстати кричат им вслед»)² и объясняет суеверие тяжелым положением ирландского крестьянина:

¹ Вестник Европы. 1808. № 18. С. 81–82.

² Там же. 1809. № 11. С. 188–189.

«Он беден, угнетен, поневоле промышляет обманом»¹. В этих публикациях прослеживается сложная позиция Жуковского. И в статье «Нечто о привидениях», написанной в полемических раздумьях над «Космосом» Гумбольдта², Жуковский в ответ на поставленный вопрос, верить или не верить привидениям, не дает однозначного ответа: «Множество событий, достаточно засвидетельствованных, побуждают нас отвечать утвердительно, но, с другой стороны, невероятность самих событий, выходящих из обыкновенного порядка вещей, склоняют нас к отрицанию. Что же выбрать? Ни то, ни другое» (X, 95).

Двойственность постановки вопроса о фантастическом у Жуковского и В. Скотта во многом определялась присутствием эстетического начала, самой природой художественного мышления, осложнявшей картину философских представлений писателей в отличие от «чистых» мыслителей. Фантастическое входило в систему представлений романтиков о мире: оно указывало на существование субстанциальных, но непознанных сторон бытия. В интересе Жуковского к стихии фантастического преобладал гносеологический аспект: чудесное было для поэта средством познания и способом художественного изображения мира. В. Скотта чудесное интересует в онтологическом аспекте: вера в чудесное воспринимается им как часть объективной картины мира, как качество сознания героев, обусловленное обстановкой, эпохой, историей.

В «Письмах о демонологии и колдовстве» открыто демонстрируется этическая позиция В. Скотта, утверждаются его гуманистические идеалы. В связи с этим особо важное значение приобретает публицистичность «Писем». Не теряя художественной объективности, В. Скотт не устранился нигде от прямого выражения своего негативного отношения к физическому и нравственному угнетению человека. Протест В. Скотта против суеверия, против инквизиции, религиозного фанатизма во имя торжества разума, науки был в духе просветительской философии и передовой общественной мысли Шотландии и Англии.

¹ Там же. С. 192.

² Черновые наброски статьи являются частью записей по поводу «Космоса» Гумбольдта. РНБ. Ф. 286, Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 5–31 с об.

Одна из задач книги – доказать, что суеверие является порождением темноты, неразвитости, насилия, дурных наклонностей. В. Скотт приводит несколько красноречивых историй, а Жуковский последовательно отмечает их. Каждый раз В. Скотт оказывается на стороне слабых, невинно оклеветанных и страдающих людей. Такова история «бедной леди Самуэль в черной шляпке», затравленной нервной молодой особой и ее младшими братьями и сестрами, решившими «поиграть в ведьм». «Тщетно пыталось бедное создание отвести от себя их негодование, тщетно взывала она к их матери, леди Кромвель» (240). Как пишет В. Скотт, «великие оскорбления здравого смысла послужили причиной смены общественных настроений и много жизней было принесено им в жертву» (279). Самый большой по объему материал в «Письмах» связан с выявлением общественной, политической и религиозной основы суеверий и борьбы с ведьмами. Подробно исследуя следы язычества, вытесняемого христианством, показывая характер влияния борьбы Шотландии с Англией, Скотт указывает на исключительно пагубную роль инквизиции. Он замечает, что большое число книг и статей о ведьмах написано священниками, что волнам интереса к этой проблеме и усилению гонений каждый раз предшествуют политические причины. Так, «наиболее суровые законы против колдовства брали начало с шотландского короля Англии, расширение преследований произошло во время гражданской войны, когда кальвинисты получили на короткое время преобладающее влияние в Парламенте» (245).

В. Скотт приводит большое число историй о гибели честных людей. Жуковский отчеркивает в VII письме подробные описания пыток, которым подвергала церковь невинных людей. В следующих письмах В. Скотт говорит о страданиях жертв, среди которых было много женщин, о их тщетных попытках смягчить жестокосердие судей и фанатичной толпы.

Примеры эти многочисленны. Жуковский не пропускает ни одного. Так, он отмечает рассказ «благоразумного и отважного» мистера Гаула о применении пыток, отмечает цитируемые В. Скоттом «ужасные записи» Томаса Гамильтона о заседаниях Тайного совета.

Двумя параллельными линиями на полях Жуковский отчеркивает последние строки книги, в которых В. Скотт говорит о недо-

пустимости насилия над личностью, над разумом человека и выражает гуманистическую веру в прогресс и разум человечества:

«У моряков есть пословица, что каждый человек за время своей жизни должен съесть 9,08 л грязи. Это может быть понято так, что каждое поколение должно принять на веру определенную меру глупости. Остается надеяться, что недостатки и ошибки предков ушли в прошлое и что когда-нибудь невежество настоящего поколения будет осуждено, что повсюду распространится чувство справедливости и понимание того, что пытки и сожжение несчастных невозможны» (402).

V

Эстетические искания Жуковского были связаны с английской традицией на протяжении всего его развития. Наибольшая интенсивность интереса поэта к трудам английских теоретиков искусства отмечается в первое и два последних десятилетия его творчества. Это можно объяснить: Жуковский начинал свой путь на перевале европейского искусства от классицизма и сентиментализма к романтизму, когда теория «подражания природе» не потеряла своей актуальности и включалась в эстетический фундамент романтического искусства. А 1830–1840-е годы явились эпохой новых реалистических открытий, для которых теория подражания и близости к натуре являлась краеугольным основанием эстетики. Тенденции нового художественного видения ярко проявились в творчестве позднего Жуковского. Таким образом, труды по проблемам теории подражания и романтизма, активно разрабатываемым в английской эстетике, нашли в Жуковском своего внимательного читателя. Особое место среди изучаемых Жуковским теоретиков – Вольтера, Мармонтеля, Батте, Сульцера, рядом с Юмом и Шефтсбери¹, занимает Хью Блер (Blair Hugh, 1718–1800), ученик Самуила Джонсона, современник Батте, Лагарпа и Эшен-

¹ См. работы: *Реморова Н.Б.* Жуковский – читатель теоретических работ Герадера // БЖ. Ч. 1. С. 149–167; *Капунова Ф.З.* Творчество Ж.-Ж. Руссо в восприятии Жуковского // БЖ. Ч. 2. С. 229–336; *Разумова Н.Е.* Жуковский – читатель «Элементов литературы» Мармонтеля // Там же. С. 35–74; *Лебедева О.Б.* «Принципы литературы» Шарля Батте в чтении и осмыслении В.А. Жуковского // Там же. С. 97–112; *Янушкевич А.С.* Немецкая эстетика в библиотеке В.А. Жуковского // Там же. С. 140–202.

бурга, представитель шотландской философской школы Хатчисона и Адама Смита¹. В библиотеке Жуковского, хранящейся в Томском университете, находится семь книг Блера: «Лекции по риторике» в трех томах на английском языке и во французском переводе и «Критическая диссертация о поэмах Оссиана, сына Фингала», напечатанная во II томе «Поэм Оссиана»².

В восприятии теоретиков русского классицизма эстетика Блера была типичным выражением теории подражания: А.Ф. Мерзляков называл Блера «знаменитым»³. В основу «Речи в торжественном Собрании Общества любителей российской словесности «О вкусе и его изменениях» (1817) он положил подстрочный перевод части курса по риторике Блера из второй лекции «Вкус». Заканчивая программную «Речь о начале, ходе и успехах словесности» (1819), Мерзляков поставил имя Блера в ряд бессмертных имен: «Как сладостно воображать, что по сему же пути текли некогда Аристотели, Цицероны, Квинтиллианы, Блеры, Ломоносовы, увенчанные лучами бессмертия и благодарностью своих сограждан!»⁴.

Критик эпохи 1830-х годов С.П. Шевырев в книге «Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов» (Описание № 445) дал Х. Блеру в своей книге резко критическую оценку, назвав его пострадавшим от французского влияния «учеником, недостойным учителя». «Теория поэзии Блера не представляет никакой системы, – пишет Шевырев, – никакого единства и даже исследовательного порядка в изложении. Он начинает исследованием о вкусе, определяет его способностью принимать приятные впечатления от красот природы и искусства и находит в нем две стихии: одну, даруемую природою, инстинкт к природному, и другую разумную, которая совершенствуется изучением и наблюдением. Таким образом, по мнению Х. Блера,

¹ См.: *Жукова Э.М.* Эстетика Х. Блера в восприятии В.А. Жуковского // БЖ. Ч. 2. С. 121–139.

² *Blair H.* Lectures on rhetoric and belles-lettres in three volumes. Basil, 1788; *Leçons de rhétorique et de belles-lettres*, Paris, 1830; *A critical dissertation on the Poems on Ossian, the Son of Fingal* // *The Poems on Ossian*, translated by J. Macpherson. London, 1796. Vol. 2. P. 255–379.

³ *Мерзляков А.Ф.* О вернейшем способе разбирать и судить сочинения, особливо стихотворные, по их существенным достоинствам // *Русские эстетические трактаты первой трети XIX века*. М., 1974. Т. 1. С. 171.

⁴ *Мерзляков А.Ф.* Речь о начале, ходе и успехах словесности // Там же.

дением. Таким образом, по мнению Х. Блера, вкус есть соединение естественного чувства красоты с разумною способностью. Первое средство к усовершенствованию вкуса есть приложение разума и здравого смысла к произведениям гения. Двумя главными стихиями вкуса условливаются два главных его качества: нежность, которая заключается в совершенстве врожденного чувства и особенно в тонкости органов, и чистота, или верность разума в выборе упомянутых предметов. Может ли быть вкус один для всех народов, или вкусы различны? Единым мерилom вкуса могла бы быть природа, но она недостаточна и изменчива. Поэтому Блер принимает еще вторым мерилom большинство голосов и общее мнение человечества. Но как узнать его?»¹

При очевидном критическом пафосе данная Шевыревым характеристика делает понятным интерес Жуковского к трудам Блера: теория вкуса, лежащая в основе его Лекций, строится на выявлении соотношения общего и индивидуального: с одной стороны, Блер показывает общечеловеческую основу Вкуса, являющуюся источником красоты, а с другой – высказывает идею творческой природы личности, создающим прекрасное. Во введении к Лекциям Жуковский подчеркивает в первом абзаце: «Одно из самых отличительных преимуществ, которые Провидение дало человечеству, – это сила общения мыслей друг с другом»².

В 1800–1810-х годах чтение Жуковским Лекций Блера было связано с замыслами создания эпической поэмы «Владимир» и с раздумьями над природой этого жанра. Жуковский создает конспект по теории эпической поэмы – «Замечания во время чтения»³. Общему конспекту предшествует программный список имен с заглавием «Эпическая поэма». На первом месте стоит имя Вольтера, за ним следует Блер, а далее – Лагарп, Мармонтель, Батте, Сульцер. В конце списка вновь появляется имя Блера в сочетании «Ossian de Blair».

Узловым положением, вобравшим в себя интересующие поэта проблемы в главе «Эпическая поэма», оказалась мысль Блера о силе морального воздействия эпической поэзии на читателя. Жу-

¹ *Шевырев С.П.* Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов. М. 1836. С. 214–215.

² *Blair H.* Ibid. Vol. 1. P. 1.

³ *Жуковский В.А.* Эстетика и критика. М., 1985. С. 49–157.

ковский точно переводит и выписывает в конспект рассуждение Блера: «Эпическая поэма есть самая моральная из всех родов поэзии, цель великой эпической поэмы состоит в том, чтобы каждая часть ее особенно и целостность ее взятые вместе, производили сильное впечатление на душу читателей, посредством великих примеров, ею представленных, и высоких чувств, которыми она должна быть наполнена». Затем под знаком *NB* Жуковский еще раз обращает внимание на это положение, придав ему более широкое значение: «*NB. Оселок всякого произведения есть его действие на души; когда оно возвышает душу и располагает ее новому прекрасному, то оно превосходно*»¹. Взяв за основу важнейшее положение классицизма о моральном воздействии произведений искусства на душу человека, Жуковский, отталкиваясь от него, развивает типично романтическое представление о творческом процессе. Заинтересовавшим его материалом явилась полемика Блера с Рене Ле Боссю, автором работы по эпической поэме.

В противовес Боссю Блер говорит о сложности творческого процесса, не сводимого к холодно продуманной иллюстрации моральных идей: «Никто не сомневается, что первые объекты, поражающие эпического Поэта – это Герой, которого он должен прославить, и Действие, или История, которые должны быть основой Поэмы. Поэт не садится, подобно Философу, за создание плана Морального трактата. Его гений загорается смелой идеей, она кажется ему важной и интересной, и он случайно выбирает ее для прославления в высочайшем стиле Поэзии». Блер, отклоняя прямолинейное понимание творческого процесса, тем не менее не выходит за пределы классицизма: источником творчества является идея. Жуковский, основываясь на этих рассуждениях Блера, переосмысляет их, выдвигая на первый план мысль о субъективной природе художественного творчества: «*NB. Поэт не имеет в виду ничего другого, когда пишет, кроме собственного своего наслаждения, которое хочет передать другим. Иначе ему одному достались бы шипы розы, а другому ее цветы и запах. Сочиняя, он столь же (а может быть и больше) наслаждается, как и те, которые читают его сочинения, следовательно, и эпический поэт, начиная поэму, не хочет только учить других, как доказать*

¹ Там же. С. 65.

им какую-нибудь моральную истину <...>. Он хочет занять свое воображение великими картинами, великими драмами, великими характерами, которыми он восхищается, изображая их, и, составляя из них великое нечто целое, он творит, а творить есть действовать самым сладостным образом. Но он творит не для себя одного, и это желание восхищать других своими творениями дает ему силы преодолевать все трудности, ему необходимо представляющиеся, иначе он мог бы остаться с одними привлекательными призраками своего воображения. Поэт пишет не по должности, а по вдохновению. Он изображает то, что сильно на него действует, и если его воображение не омрачено развратностью чувства, если его картины сходны с натурою, то непременно с ними должно соединено быть что-нибудь моральное»¹.

С составлением конспекта об эпической поэме связано чтение Жуковским Диссертации Блера об Оссиане², текст которой с пометами поэта хранится в библиотеке Томского университета. Два тома поэм Оссиана в английском издании 1796 года, где и находилась Диссертация Блера, принадлежали Киреевским. На обрезах I и II томов черными чернилами выведено: «Kireefsky». К раннему периоду творчества поэта относится время духовного сближения его с Авдотьей Петровной, тогда Киреевской, позже Елагиной, в доме которой он мог брать книги и получать их в подарок.

Интерес Жуковского к Оссиану и эпосу скандинавских народов был связан с планами поэта, охватывающими и эпос, и лирику. Эти планы были обусловлены развитием романтической культуры. Внимание к северному эпосу диктовалось у ранних романтиков, как и у сентименталистов, в определенной степени стремлением выразить развивающееся историческое сознание. Отсюда повышенный интерес к поэмам северных народов и, в частности, к оссиановским, которые рассматривались как произведения, выросшие из фольклорных форм сознания.

В этом отношении Блер занимает совершенно особое место в истории изучения и распространения оссиановских поэм. В сознании русского читателя 10–20-х годов XIX века его имя нераз-

¹ Там же. С. 64.

² Blair H. A critical dissertation on the Poems of Ossian // The poems of Ossian. Translated by J. Macpherson. London, 1796. Vol. 2. P. 255 – 374. (Описание № 1579).

рывно связано с именами Оссиана и Макферсона и бурной полемикой, которая развернулась вокруг вопроса о подлинности оссиановских поэм. Блер был одним из самых страстных защитников Макферсона. В русской критике высокая оценка поэм Оссиана постоянно сочеталась с похвалой в адрес Блера, автора критической диссертации¹. Диссертация Блера интересовала Жуковского как богатый материал для подражания, она содержала в себе тонкий и разносторонний анализ художественных достоинств поэм Оссиана. Составляемые в 1805–1810-х годах росписи и планы к «Владимиру», списки «Для Игоря» дают представление об интересующих поэта вопросах (например, план «Извлечения из песни о Полку Игореве»: «Описание-предвещание. Два войска. Сражение. Изображение Всеволодовой храбрости. Бедственное состояние души. Печаль общая»²), ответы на которые он мог найти в Диссертации.

Почти все отметки связаны с частями текста Диссертации, где критик цитирует Оссиана. Например, Жуковский отмечает описание битвы у Оссиана, которое в Диссертации предваряется рассуждением Блера о том, что гений Оссиана, более всего проявляющийся в общих и патетических описаниях, по сравнению с разнообразной и многосторонней манерой Гомера, владел тайной живописать обстоятельства. Жуковский черточкой на полях отмечает один из примеров, приводимых Блером: «Кровь, льющаяся из раны одного из убитых ночью, кипела на полупогасшем дубе, разожженном для света. Другой, взбравшийся на дерево, чтобы убежать от врага, был проколот копьем; пронзительно вскрикнув, задыхаясь, он падал: мох и сухие ветви падали за ним»³. Внимание Жуковского к этому отрывку понятно: задумав создание эпической поэмы на русском материале, поэт внимательно изучал батальную живопись шотландского барда.

¹ См.: *Остроумов К.* Способ учения для молодого поэта // *Новости русской литературы на 1802 г.* Ч. III. С. 408; Стихотворения Эрские, или Ирландские // *Вестник Европы.* 1810. № 8. С. 298; *Олин В.* Сражение при Лоре // Из Оссиана. СПб., 1813. Без нумерации страниц; *Грамматин Н.* Сравнение Оссиана с Гомером // *Утренняя заря.* 1806. Кн. 4. С. 88.

² РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 79. Л. 13.

³ *Blair H.* A critical dissertation. Ibid. P. 346.

Одно из отчеркнутых мест касается вопроса о создании возвышенного характера в эпической поэме. Блер посвящает ему целое рассуждение, говоря о необычайной сложности героического характера. С этой задачей, по Блеру, не справился Virgil: «Его совершенный герой Эней – неживой, скучный персонаж, который может претендовать на восхищение, но никто не может его сердечно любить»¹. В образе же Фингала Блер видит художественное воплощение возвышенного характера. Блер говорит о двух периодах в развитии человека как о материале, наиболее подходящем для создания характера: о юности и старости. Именно это рассуждение отмечает Жуковский: «Здесь более искусства и блаженства, чем это может представиться сначала, потому что юность и старость – два состояния в человеческой жизни, способные разместиться в самых живописных освещениях. Средний возраст более всеобщ и неясен, имеет меньше обстоятельств, свойственных идее»². Это рассуждение Блера заинтересовало Жуковского, поскольку контрастность в построении характеров – один из распространенных приемов романтической поэтики.

Другой вопрос, заинтересовавший Жуковского в Диссертации Блера, – вопрос о чудесном. Уже в конспекте Жуковский отмечал рассуждение критика о чудесном как обязательном поэтическом элементе в эпической поэме. В Диссертации Блер тонко анализировал своеобразие чудесного в поэмах северного барда. Критик отмечал, что призраки в поэмах Оссиана, как и в поэмах Гомера, воспроизводились в соответствии с представлениями древних живыми существами. Однако Оссиан рисует их с большей живостью. Жуковский отмечает рассуждение Блера: «Описание призрака Кругала в начале второй книги «Фингала» может соперничать с любым появлением призрака, описанного эпическим или трагическим поэтом»³.

Таким образом, Диссертация Блера заинтересовала Жуковского как богатый источник материала для подражания. В ней он находил и теоретическую разработку проблем поэтики, связанных с формированием и развитием жанров романтической литературы.

¹ Там же. Р. 311.

² Там же.

³ Там же. Р. 315.

Следы внимательного изучения трудов Блера в 1810-е годы можно найти в статьях Жуковского «О критике» (1809), многие положения «Лекций»¹ Блера совпадают с идеями статьи Юма в переводе Жуковского: «О слоге простом и слоге украшенном» (1811).

К трудам Блера Жуковский обратился вновь после 1830 года. Обращение поэта к классицистической эстетике, на первый взгляд, может показаться неожиданным, но оно объяснимо и значительно для эстетического развития Жуковского. Огромный интерес к «теории подражания» имел особый оттенок, продиктованный влиянием нового сознания эпохи. По-видимому, обращение Жуковского к классицистической эстетике явилось своеобразным способом трансформации романтической системы путем освоения и переработки идей и форм, развиваемых теорией подражания. Содержание отмеченных мест выявляет интерес Жуковского к закономерности, исследуемой Блером: точность и ясность формы произведения диктуется характером Прекрасного и Высокого, почерпнутых из реального мира. В главе о Высоком Жуковский отмечает рассуждение Блера: «Если теперь задать вопрос, что является истинным источником Высокого, мой ответ: он находится в природе» (79). «Основа Высокого всегда лежит в природе описываемого предмета. <...> Предмет должен быть не только высоким сам по себе, но он должен предстать перед нами в таком свете, чтобы создалось ясное и полное впечатление о нем; он должен быть изображен с силой, краткостью и простотой» (63). Эта же мысль развивается в связи с анализом категории Прекрасного: «Общее чувство, которое рождают прекрасные предметы, присуще самой природе, поэтому имеет общее имя Красоты» (85).

Жуковский отличает рассуждения Блера о формах проявления Красоты. Внимателен поэт к труду Хогарта (Hogarth) «Analysis of Beauty», цитируемому в «Лекциях» Блера и во многом выражающему национальное чувство красоты:

«Регулярность (правильность, порядок) – первое, что отмечается нами как источник Красоты. <...> Так, круг, квадрат, тре-

¹ *Blair H. Leçons de rhétorique et de belles-lettres. Paris, 1830. Vol. 1. P. 354.* В дальнейшем ссылки в тексте будут даваться по этому изданию с указанием страницы.

угольник или шестиугольник приятен для глаза правильностью прекрасных фигур.

Однако мы не можем сказать, что эти фигуры доставляют нам удовольствие правильностью порядка и что порядок есть соль или главное основание Красоты в фигуре. Напротив, стройное разнообразие обнаруживает, что есть более сильный принцип Красоты. <...> Ясно, что природа, которая, без сомнения, – тончайший художник, в своих творениях, соединяет разнообразие с явным презрением к порядку.

Кабинеты, двери и окна делаются в правильной форме, с пропорциональностью всех частей, и благодаря этому они приятны для глаз – благодаря здравому пониманию, что созданные для пользы такими, они лучше служат целям, для которых предназначены. Но

растения, цветы и листья разнообразны и несходны. Прямой канал – скучная форма в сравнении с течением реки. Конусы и пирамиды прекрасны, но деревья, растущие в естественной обстановке, без сомнения, более прекрасны, чем когда они подстрижены в пирамиды и конусы. Апартаменты дома должны быть правильны в их расположении в интересах жителей, но сад, который считается красивым, вызвал бы отвращение, если бы он был единообразен и правилен во всех частях его, как жилой дом. М-р Хогарт заметил, что фигуры, окруженные кривой линией, более прекрасны, чем те, которые окружены прямыми линиями и углами. <...> Поэтому кривая линия, так любимая художниками, имеет преимущество от постоянного изгиба и разнообразия перед негибкой правильностью прямой линии» (87–89).

Жуковский не оставляет без внимания рассуждения критика о значении эффекта «смешанности» в разных проявлениях – в цвете, фигуре, движении:

«Красота всегда представляется нам как нечто, рождающееся из предмета, который возбуждает приятное чувство, тип славы, которая распространяется и окутывает. Возможно, самое полное соединение прекрасных предметов, какое только может быть найдено, представляется богатым природным ландшафтом, где собираются разнообразные предметы: зеленые поля, рассыпанные деревья и цветы, журчащая вода, пастбища животных. Если бы нарисовать картину, на которой был бы изображен мост с арками над рекой, дым, поднимающийся из домиков среди деревьев и в

перспективе прекрасное строение, освещаемое поднимающимся солнцем, мы бы насладились в совершенстве этим ярким, радостным и безмятежным чувством, которое характеризует Красоту. Иметь глаз и вкус для того, чтобы улавливать черты Красоты необходимо всем, кто стремится к поэтическому описанию» (91).

Особенно Жуковского интересуют наблюдения, в которых Блер обнаруживает глубокое понимание психологии человека и способов его изображения:

«Красота человеческого лица более сложная, чем это даже представляется. Она включает красоту цвета, рождаемую тонкими оттенками общего, красоту формы, идущую от линий, которые создают различные черты лица. Но главная Красота лица зависит от таинственного выражения, которое сообщается особенностями ума, здравого смысла, доброго юмора, живости, искренности, доброжелательности, чувствительности и других привлекательных выражений» (92).

Таким образом, интерес к эстетике Блера был связан у Жуковского в 30-е годы с поисками художественной формы, которая верно воспроизводила бы реально существующий мир, и с теоретическим обоснованием этих поисков. Но интерес к принципам теории подражания сочетался с постоянным утверждением божественной природы самих явлений. Эта особенность проявилась столь же ярко при чтении Жуковским разделов о происхождении и структуре языка: лекция шестая («Происхождение и развитие языка»), седьмая («Происхождение и развитие письменности»), восьмая («Структура языка»), девятая («Структура английского языка»).

На первый план в процессе чтения Блера теперь вышла проблема стиля, организации художественного текста. Жуковский оставляет многочисленные пометы. Конспект, составленный на основании отмеченного в «Лекциях» текста (далеко не полного), дает представление об эстетических принципах Жуковского.

Р.196   Стиль <...> это особая манера, в которой люди выражают свои взгляды с помощью языка. Это не одно и то же, что язык или слова. Слова, которыми пользуется автор, могут быть истинны и безупречны, а стиль может оказаться испорченным, сухим или жестким, слабым или искусствен-   *Идеи
Чувства
Характер*

ным. Стиль всегда передает авторскую манеру мышления. Это картина идей, которая рождается в его разуме, нравов, в которых они рождаются, и поэтому, когда мы исследуем произведение, необычайно трудно отделить стиль и чувства. Неудивительно, что они так тесно связаны.

*Талант
Вдохновение*

- P. 197 Все качества хорошего стиля могут быть подведены под два определения: ясность и украшения. Поэтому все, что требуется от языка, – это довести наши идеи наиболее ясным образом до сознания других и в то же самое время в такой форме, которая была бы им приятна и интересна, и тогда мы достигнем наибольшего впечатления.

После этого текста следует запись Жуковского:

ясность мысли
точность выражения
порядок в изложении } скелет курса

- P. 202 Слова, которые человек использует для выражения мысли, могут быть неправильны в трех случаях: они либо не выражают мысли, которую автор подразумевает, а выражают другую, которая близка к ней или сходна; или выражают эту мысль, но не полно; или выражают ее вместе с другой, то есть более, чем он подразумевает. Точность состоит в противоположности всем этим трем ошибкам, но особенно к последней.

- P. 215 Соединить вместе Богатство и точность, быть плавным и изящным и в то же самое время точным и ясным в выборе каждого слова – это, без сомнения, одно из самых высоких и самых трудных достижений в творчестве. Некоторые виды сочинений могут требовать более Точности и Тщательности, другие более богатства и украшения, более того, в одном и том же произведении различные части его могут требовать разнообразия манеры. Но мы никогда не должны жертвовать ни одним из этих качеств перед другим, и благодаря умелому использованию оба из них должны быть совместимы, если

наши собственные идеи точны, а наше знание и запас слов в то же самое время обширны.

P. 286 Истинную ценность образному выражению дает лежащая под ним страсть или чувство. Образ (figure) есть только одеяние; чувство есть тело и сущность. Тропы не сделают холодную или пустую вещь интересной, тогда как, если чувство возвышено и поэтично, оно может быть хорошо без заимствованной помощи. Многие любимые страницы восхищающих нас авторов выражены простейшим языком. Например, описание у Виргилия аргивянина, который падает в битве вдали от родины, прокладывает сразу дорогу к сердцу без помощи тропа (figure).

P. 295 Тропы придают стилю возвышенность. Постоянное использование слов, к которым наше ухо привыкло, снижает стиль. Когда мы хотим достичь возвышенного тона, то будем в затруднении, если не обратимся к тропам, которые, использованные должным образом, имеют эффект, подобный тому, который производят состоятельные люди богатым и ярким одеянием, чтобы вызвать уважение и понимание к себе. Помощь этого рода часто необходима в прозе, но и поэзия без нее существовать не может. Сказать: «Солнце встает» – это банально и общо, но это становится значительным образом, когда выражено как у Томсона.

NB But younder comes the powerful King of day Rejoicing in the east

P. 305 Метафора есть сравнение, выраженное в краткой форме. Когда я говорю о некоем министре, что он поддерживает государство, подобно колонне, я использую сравнение; но когда я говорю о таком министре, что он «pillar of the state» (колонна государства), – это уже Метафора.

P. 309 <...> Правила, касающиеся метафор. <...> Первое <...> – они должны соответствовать природе предмета, к которому мы обращаемся: ни слишком много, ни слишком ярко, ни слишком возвышенно; не пытаться возвышать до степени, которая ему не соответствует, с другой стороны, – не позволять умалять его значение.

Р. 310 <...> Мы должны помнить, что тропы одевают наши чувства. <...> Как в жизни, истинное достоинство должно быть основано на характере, а не на одежде, так как значимость произведения должна идти от чувства и мысли, а не от орнамента. Парад украшений уводит как от автора, так и от людей. Поэтому образы и метафоры ни в коем случае не должны поражать обилием и никогда не быть такими, чтобы снижать напряженность нашего чувства. <...> Один из величайших секретов в сочинении есть знание, когда быть простым.

Р. 312 <...> Когда метафора берется из предметов высоких, то особое внимание необходимо уделить сходству, на котором основывается метафора – оно должно быть ясным, ярким и понятным.

Следует заметить, что Жуковский отмечает на полях вертикальной чертой, означающей знак внимания, цитируемые в Лекциях поэтические отрывки из «Бури» Шекспира (317), из перевода «Одиссеи» Попом (314) и его же «Послания Элоизы к Абеляру» (320), а также «Ночных дум» Юнга (323), «Удовольствий воображения» Акенсайда (124), «Письма из Италии» Аддисона (314) и прозаических «Заметок на историю Англии» Болингбрана (305–306).

Таким образом, «Лекции» Х. Блера оказались в поле внимания Жуковского 1830–1840-х годов как теоретическая работа, аккумулирующая в себе традиционно важные для английской эстетики вопросы, актуальность и значимость которых четко обозначилась в эпоху становления нового художественного сознания в русском искусстве и творчестве Жуковского.

VI

Английская культура занимает важное место в жизни и творчестве Жуковского. Свидетельством серьезного и внимательного отношения поэта к искусству Англии являются многочисленные путеводители по стране и Лондону, сохранившиеся в его библиотеке (Описания № 1516, 1517, 1518, 1519, 1520 и др.), книги немецких, французских авторов об Англии, буквально проштудированные поэтом. Читая трехтомник «Историческое и литературное путешествие

по Англии и Шотландии» Амадея Пишо¹ (Описание № 1847), Жуковский оставляет множество полей в первом томе. На полях он очеркивает большое по объему рассуждение французского автора:

«Я уверен, что среди лучших людей французской нации можно встретить много одаренных умов, способных выразить свои идеи, связать их с философскими принципами и высказать в блестящей манере – будь то в книгах или в беседе. Я также верю, что, спускаясь по лестнице вниз, найдем в классах, лишенных образования, большей естественной живости, большей способности уловить новые идеи, больше врожденного ума, которое вдыхает в жителей этой местности солнце. Однако не эти несколько людей или даже гениев, несколько отважных мыслителей и теоретиков представляют собой моральную силу и политику. Эта сила состоит в просвещении, в глубоком знании практических заведений, которые управляют делами человеческими. И это просвещение создает государственных деятелей из юрисконсульта, фабриканта, коммерсанта, одним словом, активных членов хорошо организованного общества. И в этом смысле ни одна страна Европы не выдерживает сравнения с Англией»².

А далее Жуковский отмечает имена прославленных английских скульпторов, архитекторов, художников, собирателей и хранителей древностей: музей Элгина (Elgin), творения Хогарта (Hogarth), Рейнолдса (Reynolds), Уолпола (Walpole), Гейнсборо (Gainsborough), Уилсона (Wilson), Вестмакотта (Westmacott), Уилки (Wilkie) и других. Многие из этих имен появятся на страницах английского Дневника 1839 года, когда Жуковский своими глазами увидит соборы, церкви, музеи, города, деревни, людей Англии.

С большой тщательностью Жуковский штудировал в трудах Х. Блера девятую лекцию о структуре английского языка, проникая в его историю и лингвистические тонкости³. Но особое место в творчестве Жуковского занимала английская литература. Как переводчик Жуковский обращался к ней на всех этапах своего творчества. В переводах он открыл русскому читателю не только английский романтизм (Байрон, В. Скотт, Т. Мур, Р. Сау-

¹ *Pichot, Amédée. Voyage historique et littéraire en Angleterre et en Ecosse. Paris, 1825. Т. 1–3.*

² *Pichot A. Ibid. P. 25.*

³ См.: *Blair H. Leçons. Ibid. Т. 1. P. 181–197.*

ти), но и великих английских поэтов XVII и XVIII веков – сделал переводы из Мильтона, Грея, Попа, Голдсмита, Томсона, Драйдена...

Английская литература оказала на поэзию Жуковского огромное влияние, и смею высказать мысль, что не только переводы, но многие из лучших его оригинальных произведений написаны с вдохновением, рожденным воздухом английской поэзии. В выборе произведений для переводов есть закономерность, продиктованная как своеобразием английского источника, так и проблемами развития русского общества и литературы.

Чрезвычайно важно, что начало творчества, не без влияния Карамзина и Муравьева, связано с овладением Жуковским эстетических и художественных принципов сентиментализма – метода, столь принципиально важного для английской литературы, потому что в нем наиболее ярко сказались нравственно-философские, моральные основы национального сознания и искусства, открывающего перспективы как романтизму, так и реалистическим тенденциям. Библиотека поэта дает представление о широком круге чтения им английских поэтов-сентименталистов. В оглавлении (*Index of various Poems*) 6-томного «Собрания лучших произведений самых знаменитых английских поэтов»¹ (Описание № 808) Жуковским черточкой выделено 56 произведений. Представленный ниже список отмеченных текстов показывает, сколь велик был интерес Жуковского к английской поэзии XVII–XVIII веков и к вопросам жанровой классификации.

Odes

1. To the Right-Honourable Francis Earl of Huntington, by *Mark Akenside*.
2. Ode by *Thomson*.
3. On St. Caecilia's day, by *Bonell Thornton*, Esq.
4. On Mysick, by *William Woty*.
5. To Evening, by *W. Collins*.
6. On Wisdom, by *Thomson*.
7. To Poetry, by *Woty*.

¹ Choice of best poetical pieces of the most eminent English poets. Vienna, 1783–1786. Vol. 1–6.

8. Uther and the Son of Owen, by *Ryan*.
9. The Suicide, by *Warton*.
10. A Turkish Ode of *Mesih*.
11. Verses to Solitude, by *Mrs. Chapone*.
12. To Melancholy, by *Shepherd*.
13. To the Countess de Genlis, by *Hayley*.
14. The House of Superstition, by *Denton*.
15. Life, by *Hawkesworth*.
16. On Seeing the Figure of Death in a Dream, by *Harrington*.
17. On the Death of a young Lady, by *Logan*.
18. To the Lyric Muse, by *Kellet*.
19. To Solitude, by *Mrs. Cooper*.

Songs

20. Hymn on Solitude, by *Thomson*.
21. The Fairy Queen.
22. Song by *Aikin*.
23. Fancy.
24. The Moans of the Forest after battle of Flodden-field.

Epistles

25. An Account of the greatest English poets, by *Addison*.
26. To a Lady, retiring into a Monastery, by *the Duke of Buckingham*.
27. A Letter from Italy to the Right-Honourable Charles Lord Halifax, by *Addison*.
28. To Pollio from the hills of Howth in Ireland, by *West*.
29. Ferney, by *Keate*.
30. To a young Gentlemann on his leaving Eton-school, by *Roberts*.

Elegies

31. To his friend, written under the confinement of a long indisposition, by *Hammond*.
32. Elegy by *James Beattie*.
33. On the Dutchess of Mazarin's retiring into a convent, by *Langhorne*.
34. Elegy by *Chatterton*.

Pastorals

35. Narva and Mored, by *Chatterton*.
36. Selim, or the Shepherd's Moral, by *Collins*.

Miscellanies

37. The Wood-nymph, by *Mark Akenside*.
38. Amynta, by *Dryden*.
39. The Inchantment of Hervor, by *Dr. Goldsmith*.
40. Solitude, by *Grainger*.

Tales

41. Sympathetic bliss.
42. The Penitent, by *Allan Ramsay*.
43. The Hermit, by *Parnell*.
44. The Youth and the Philosopher, by *Whitehead*.
45. Bacchus, or the vines of Lesbos, by *Parnell*.
46. The unfortunate Concubine, or Rusamond's Overthrow.
47. The Princess Elisabeth, a Ballad, by *Shenstone*.
48. Picture of domestic life and manners of the ancient Knights, by *Miss Hannah Moore*
49. Lewyn and Gyneth, by *Mrs. Robinson*.
50. William and Margaret, by *Mallet*.
51. Admiral Hosier's Ghost, by *Glover*.
52. Balaam.
53. Cadwallo and Elimira, by *Goldsmith*.
54. The widow's Wile, by *Fenton*.
55. A Case of Conscience, by *King*.
56. Edwin and Emma, by *Mallet*¹.

В контекст этой «избранной антологии» Жуковского, в которой немало стихов с образами меланхолии, музыки, с описанием состояния одиночества, внутреннего созерцания, ночных видений, органично входят его переводы «Сельского кладбища» Грея («Elegy, Written in a Country Church-Yard»), «Забытой деревни» Голдсмита («The Deserted Village»), «Гимна» из Томсона.

Погружение в мир сентиментальной поэзии и органическое освоение ее традиций навсегда определили тип лирического героя Жуковского – человека чувствительной души, мечтательного, лишённого индивидуализма. Вместе с тем в лирику Жуковского вошли проблемы гражданского, нравственного долга, обусловившие соединение элегической тональности с одическим пафосом. Вслед за английскими и русскими поэтами-сентименталистами Жуков-

¹ Choice of best poetical pieces of the most eminent English poets: in 6 Vol. Vienna, 1783–1786. Vol. 6. P. 83–117 (без нумерации страниц).

ский открыл красоту мира природы. Переводы отличались яркой индивидуальностью – романтическими предчувствиями, углубленным психологизмом, но в главном Жуковский был верен сентиментальным источникам: в центре поэзии оказались личность человека, его душа и мир вокруг него.

В круг переводов из английских сентименталистов на равных правах входит первая оригинальная элегия Жуковского «Вечер» («Ручей, виющийся по светлому песку...»). Близость стихотворения, наполненного биографическим материалом, деталями картин родного Мишенского, к английскому слою поэзии обнаруживается в поэтическом строе элегии (сравнить можно с «Elegy» Грея, «To Evening» Коллинза и др.¹), явившимся следствием глубокой внутренней ориентации на сентиментальную концепцию. «Философия жизни» раннего Жуковского включала, по определению Н.Ж. Ветшевой, темы жизнеустроительствa, натурфилософии, творческого и нравственного самоопределения, что делало элегию «Вечер» квинтэссенцией этих мотивов и одновременно фрагментом целостного, но невоплощенного идеального плана жизни².

В грозную эпоху 1812 года Жуковский переведет знаменитое «Пиршество Александра» Драйдена, которое так соответствовало патриотическим чувствам русских в отечественной войне и предшествовало созданию «Певца во стане русских воинов»³.

Во время двух «балладных взрывов»⁴ (1813–1814 и 1831–1833 гг.) «с английского» Жуковским было переведено 11 баллад, в том числе «Пустынник» О. Голдсмита («Hermit»), «Эльвина и Эдвин» Д. Маллета («Edwin and Emma»), «Уллин и его дочь» Т. Кемпбелла («Lord Ullin's Daughter»). Но особое место в балладном мире Жуковского заняли Р. Саути и В. Скотт.

С баллад Саути («Адельстан», «Варвик», «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди» – созданы в 1813–1814 гг.; «Доника», «Суд

¹ См. подробнее: Вацуро В.Э. Ibid.; Топоров В.Н. «Сельское кладбище». Ibid.

² Ветшева Н.Ж. Комментарий к элегии «Вечер» // В.А. Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 465.

³ См.: ПСС. Т. 1. С. 581–584.

⁴ Термин «балладный взрыв» принадлежит А.С. Янушкевичу. См.: Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. Томск, 1985.

божий над епископом», «Королева Урака и пять мучеников»¹ – в 1831 г.), наряду с бюргеровскими и уландовскими, в романтический мир Жуковского вошла философско-нравственная проблема таинственности и драматизма человеческой судьбы, тема роковых сил Предопределения и нравственного противостояния злу. Духовный мир человека предстал разомкнутым, свободным и ввергнутым в стихию сложных, подвижных отношений; открылась безмерность и значимость душевной жизни человека в ее самых интимных и сокровенных проявлениях. Заискрился юмор арзамасской заправки, перемешанный со страшными призраками роковых предвестий. В рамках баллады драматическим способом Жуковский прокладывал дорогу к эпосу. На этом пути его единомышленником оказался и В. Скотт.

Философско-нравственное развитие «шотландского чародея» проходило в школе эдинбургских теоретиков моральной философии, связанной с именами Д. Юма, Х. Блера, Г. Маккензи, Д. Стюарта, прочитанных с большим вниманием и Жуковским.

В. Скотт необычайно волновал русского поэта, он обращался к его творчеству неоднократно. В 1815 году был составлен подробный план-конспект поэмы «Дева озера», написаны переводы двух баллад («Замок Смальгольм, или Иванов вечер» – 1822 – «The Eve of S' John»; «Покаяние» – 1831 – «The gray brother»), отрывок из поэмы «Мармион» под названием «Суд в подземелье» (1831–1833). В балладах В. Скотта, как и в его ранних поэмах, Жуковского притягивало соединение трогательного лиризма с эпическим размахом картин средневековой Англии, сочетание тонкого психологизма и исторической объективности.

Повышенный интерес Жуковского к «Деве озера» объясняется лироэпической природой поэмы, активным освоением В. Скоттом традиций Оссиана и шотландской народной поэзии.

Большой интерес вызвала у Жуковского созданная в поэме картина национальной жизни: быт, нравы, обычаи, колорит рыцарского средневековья. Чтение и конспектирование поэмы нашло отражение в творчестве Жуковского. В этом отношении интересна баллада «Эолова арфа». В статье 1842 года «Речь о критике» В.Г. Белинский писал: «Жуковский первый перевел своим

¹ См.: *Костин В.М.* В.А. Жуковский – читатель Р. Саути // БЖ. Ч. 2. С. 450–480.

крепким и звучным стихом несколько (впрочем, очень мало) английских баллад и написал в их духе свою («Эолову арфу»), чем верно передал *романтический* характер английской поэзии¹.

Наблюдение Белинского крайне интересно: критик указал на испытанное Жуковским влияние английской поэзии при создании «Эоловой арфы», которая, по его же словам, есть «прекрасное и поэтическое произведение, где сосредоточен весь смысл, вся благоухающая прелесть романтики Жуковского»².

При создании «Эоловой арфы», беря за основу образы оссиановской поэзии, воспроизводя меланхолическую тональность ее, Жуковский в процессе творчества наполнял балладу новыми мотивами и настроениями, используя при этом и опыт В. Скотта. Ю.Д. Левин отметил, что «когда первоначальные прозаические наброски стали преобразовываться в балладу, связи с Оссианом в значительной мере ослабели», «оссиановская древность принимала бытовые черты рыцарского средневековья» и «что самым существенным отступлением от оссиановской поэзии была идея сословного неравенства как основа трагического конфликта»³. Как нам представляется, именно здесь, в определении конфликта, особенно велико влияние В. Скотта⁴.

Создавая конспект «Девы озера», Жуковский особо отмечает все эпизоды, связанные с образом Барда-арфиста, а образ арфы Севера, поющей о борьбе гэльского народа и любви Эллены, о сражении при Бил-Ан-Дуайне и ненависти Бланки, о красоте горной Шотландии, о ее мрачных скалах и прозрачных озерах, становится связующим между прошлым и настоящим, лирическим прологом большой эпической формы.

В связи с проблемой восприятия Жуковским английской литературы следует указать на своеобразие жанровой трансформации: от поэмы (в оригинале) к повести (в переводе). В круге внимания Жуковского 1820–1830 годов оказалось три поэмы английских романтиков: поэт перевел «Шильонского узника» Байрона (1821–1822), вставную поэму «Пери и Ангел» (1821 г., в оригинале

¹ Белинский В.Г. Ibid. Т. 6. С. 86.

² Белинский В.Г. Ibid. С. 138.

³ Левин Ю.Д. Оссиан в русской литературе (конец XVIII – первая треть XIX в.). Л., 1980. С. 114, 115.

⁴ См. подробно: БЖ. Ч. 3. С. 305–318.

«Paradise and the Peri») из романа Т. Мура «Lalla Rookh» и вторую песнь из поэмы В. Скотта «Мармион», озаглавленную «Суд в подземелье» (1831–1833). Все эти произведения, взятые из круга поэмы, названы Жуковским повестями. В этом жанровом определении, безусловно, проявилась тенденция к созданию повести в стихах в русской литературе 1820–1830-х годов в связи с демократизацией общественного сознания; сказалась полемика с романтической концепцией исключительной личности. Но, представляется, была еще внутренняя причина, связанная с глубинным пониманием Жуковским пафоса английской культуры, возросшей на философии своих моралистов: уважение к достоинству *каждого* человека. Ген жанра повести (жанра, отличного от поэмы своей устремленностью к изображению обыкновенной жизни обыкновенного человека) содержался в английском менталитете, как понимал его Жуковский. Связующей для всех трех повестей – из Байрона, Мура и В. Скотта – явилась проблема нравственной и физической свободы человека, идея неприятия насилия.

Перевод «Шильонского узника» был восторженно принят современниками и друзьями Жуковского. А.С. Пушкин писал в 1822 году: «Перевод Жуковского Est un tour de force. Злодей! в бореньях с трудностью силач необычайный! Должно быть Байроном, чтоб выразить с столь страшной истиной первые признаки сумасшествия, а Жуковским, чтобы это перевыразить. Мне кажется, что слог Жуковского в последнее время ужасно возмужал»¹.

Белинский, рассматривая этот перевод в контексте развития русской литературы, дал ему высочайшую оценку, указав на необычайную близость к оригиналу: «Но – странное дело! – наш русский певец тихой скорби и унылого страдания обрел в душе своей крепкое и могучее слово для выражения страшных, подземных мук отчаяния, начертанных молниеносною кистью титанического поэта Англии! «Шильонский узник» Байрона передан Жуковским на русский язык стихами, отзывающимися в сердце как удар топора, отделяющий от туловища невинно осужденную голову...»²

¹ Пушкин А.С. Ibid. Т. 9. С. 48.

² Белинский В.Г. Ibid. Т. 6. С. 171.

Близость «крепкого и могучего слова» Жуковского к слогу Байрона была обусловлена глубокой общностью их мироощущения и принципов художественной системы при всем различии отношения к проблеме революции. Характер перевода «Шильонского узника»¹, содержание помет, сделанных в 1832 году на полях третьей и четвертой песен «Паломничества Чайльд Гарольда»², показывают, насколько близки были Жуковскому просветительский пафос Байрона в чувстве уважения к человеку и одновременно скептические раздумья о несовершенстве философских и исторических концепций просветителей-рационалистов и самой истории человечества.

Жуковский отметил при чтении глубину философских обобщений Байрона и трагическое понимание им истории, которое он назовет в письме к Н.В. Гоголю «О поэте и современном его значении» «всеобъемлющей ненавистью», «силой, стремительно влекущей нас в бездну сатанинского падения». Но в этом же письме Жуковский заметит: «Но Байрон сколь ни тревожит ум, ни повергает в безнадежность сердце, ни волнует чувственность, его гений все имеет высоту необычайную (может быть, от того еще и губительнее сила его поэзии): мы чувствуем, что рука судьбы опрокинула создание благородное и что он прямодушен в своей всеобъемлющей ненависти – перед нами титан Прометей, прикованный к скале Кавказа и гордо клянувший Зевса, которого коршун рвет его внутренность»³. В этом письме Жуковский противопоставляет Байрону, с его «меланхолической разочарованностью, столь очаровательной в его изображениях и столь пленяющей (хотя иногда и вымышленной) грустью поэта», Вальтера Скотта с его христианским идеалом. Жуковский называет В. Скотта «благотворителем души человеческой», тогда как «Байрон – дух высокий, могучий, но дух отрицания, гордости и презрения»⁴. В основе этого противопоставления лежит концепция человеческого поведения: христианская терпимость и милосердие или бунт? Не принимая байроновского бунта – «силы, стремительно влекущей нас

¹ См.: *Жулякова Э.М.* «Шильонский узник» Байрона в переводе В.А. Жуковского // *Художественное творчество и литературный процесс.* Томск, 1982. Вып. 3. С. 113–131.

² См.: БЖ. Ч. 2. С. 418–449.

³ *Жуковский.* С. 10. С. 86.

⁴ Там же. С. 85–86.

в бездну сатанинского падения»¹, – Жуковский не переводит «Сонета к Шильону». За несколько месяцев до начала работы над «Шильонским узником» поэт закончил перевод «Пери и Ангела», где в заключительном эпизоде, в отличие от оригинала, придал героине христианские черты, заставив ее совершить поступок: не наблюдать за грешником, а участвовать в его духовном очищении, проникнуться состраданием к человеку². В следовании христианским принципам нравственного поведения заключалась позиция Жуковского, а это не отменяло, а напротив, предполагало отстаивание духовной свободы. Переводя «Шильонского узника», Жуковский сохранил, а порой усилил резкую выразительность байроновских антитез, направленных на выявление конфликта свободы и неволи, «сладостного дня» и «тьмы подземелья».

В 1831–1833 годах, вновь будучи вблизи Шильонского замка, Жуковский переводит вторую песнь «Мармиона» – «Суд в подземелье». В рассказе о жестокой расправе служителей церкви над юной прекрасной девушкой зазвучали интонации «Шильонского узника» – тот же размер, та же система поэтических оппозиций мрачного подземелья и цветущей юности, та же страстная непримиримость к насилию. Этот байроновский «слой» в переводе из «Мармиона» был не только данью благодарной памяти Жуковского Байрону, не только откликом русского поэта на судьбу сосланных декабристов и сгущающуюся атмосферу политического неблагополучия в Европе. Дело в том, что мощные поэтические антитезы, столь свойственные стилю Байрона, уже содержались в тексте поэмы В. Скотта, написанной за восемь лет до «Шильонского узника». Жуковский художественно точно «проявил» в поэтическом слове связь этих двух английских поэтов в их понимании права человека на свободу. Поэзию Байрона, полную глубоких философских раздумий о смысле человеческого существования, страстных и меланхолических, восторженных и негодующих, Жуковский отзывался не

¹ Там же.

² См. подробно: *Жилыкова Э.М.* «Воздушный цветок» Востока в поэзии европейских романтиков (Т. Мур – Жуковский – Пушкин) // *Европейские исследования в Сибири.* Томск, 2001. Вып. 3. С. 137–149.

только переводами, но и поэтическими реминисценциями¹. У Жуковского есть свой байроновский текст, написанный несомненно под мощным влиянием английского романтика. Это элегия «Море», датируемая «предположительно августом – сентябрем 1821 г.»²:

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей.
Ты живо; ты дышишь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты. <...>

В поэтической картине Жуковский воссоздал близкую ему по содержанию байроновскую философскую концепцию жизни как полноты, вечного движения, неиссякаемости сил, воплощенных в природе.

Философский аспект стихотворений, соединение одической патетики с элегическим раздумьем дали толчок развития той линии русской романтической поэзии, которая найдет расцвет в творчестве Тютчева. Изучение процесса становления этой линии в лирике Жуковского позволяет говорить о том, что художественное восхождение ее шло и через плодотворное освоение поэзии Байрона.

В круге художественных интересов Жуковского на протяжении всего творчества определенное место занимала английская проза. Большой интерес представляет его письмо 1836 года к А.П. Зонтаг, где, советуя заняться прозой, Жуковский ориентирует ее на английский роман: «Напишите что-нибудь простое, привлекательное истиной происшествий и локальной верностью. А чтоб настроиться, то перечитывайте лучшие романы В. Скотта, Клариссу, Miss Edgeworth, особенно *Hélène*. <...> Чтобы нравственность была в применении, но чтобы в самом романе было только живое, верное изображение человека и общества. Можно

¹ См.: *Жилякова Э.М.* О философской природе лирики В.А. Жуковского // Художественное творчество и литературный процесс. Томск, 1982. Вып. 4. С. 112–128; *Жилякова Э.М.* К вопросу об отношении В.А. Жуковского к поэзии Байрона // Художественное творчество и литературный процесс. Томск, 1983. Вып. 5. С. 92–104.

² *Жуковский В.А.* ПСС. Т. 2. С. 608.

написать не один роман, а несколько, взяв, например, за предмет изобразить судьбу женщины в ее разные фазисы»¹.

Жуковский в этом письме называет трех авторов: С. Ричардсона (1689–1761), В. Скотта (1771–1832) и М. Эджворт (1767–1849) – и связывает их в единой линии развития психологического романа, отличающегося постановкой нравственно-этических проблем и воссоздающих жизнь обыкновенную, «простую, привлекательную истиной происшествий». Особо выделен роман М. Эджворт «Елена», в котором рассказана история духовного становления бедной воспитанницы из провинции. Характерно, что интерес к психологическому роману, восходящему к сентиментальной прозе, устойчиво сохранялся у Жуковского с 1800-х годов. В «Вестнике Европы» 1808 и 1809 годов печатались повести М. Эджворт: «Прусская ваза» (№ 20, 21), «Лиммерикские перчатки» (№ 24), «Отрывок письма из Ирландии» (№ 11). Жуковский, стоявший у истоков русской психологической прозы, в 1830–40-е годы, размышляя о путях ее развития, утверждает эстетический принцип простоты и естественности, опираясь на опыт английской литературы.

Таким образом, подводя краткий итог, можно сказать, что формирование и развитие творчества и личности В.А. Жуковского, определившего важные вехи в истории русской литературы, шло в процессе активного осмысления философской, исторической и художественной мысли европейских стран, среди которых особое значение для поэта имела культура Англии.

¹ Уткинский сборник. М., 1904. С. 112.